

Светлана Швецова



ХРАНИ МЕНЯ НА ВИРАЖЕ

16+

Светлана Швецова

Храни меня на вираже

«Автор»

2020

Швецова С. Л.

Храни меня на вираже / С. Л. Швецова — «Автор», 2020

Что ждёт ангела, если он вдруг станет обычным человеком? Не помня своего прошлого, Серафима идёт по непростому человеческому пути, встречая друзей и врагов. Случайное знакомство с талантливым автогонщиком Тарасом Остапенко открывает ей новый мир, мир любви — удивительной, трепетной, а порой жертвенной и горькой. И неважно, кто ты: ангел на небе или на земле! Важно быть рядом, когда жизненный вираж любимого человека становится опасно крутым и заканчивается катастрофой, когда ты — единственная, кто может его спасти. Но сможет ли она исцелить своё сердце, когда оно будет разбито? Или это сделает кто-то другой? Ведь порой судьба совершает неожиданный поворот...

© Швецова С. Л., 2020

© Автор, 2020

Светлана Швецова

Храни меня на вираже

Для оформления обложки использованы изображения по лицензии С0. Источники: Izoom.ru, wallpaperscave.ru, avatars.mds.yandex.net.

Посвящается уральским автогонщикам и ветеринарам, спасающим братьев наших меньших. Отдельное спасибо за помощь в работе над книгой Максиму Евгеньевичу Ченцову и Ларисе Валентиновне и Юлии Викторовне Бибанаевым.

Все персонажи романа вымышленные, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Часть первая. Противостояние

* * *

«Хотела поснимать уточек, дура? Вот и снимала!..»

Девушка в ужасе отступала, глядя на наведённый на неё прицел пистолета. Шорох гравия под её ногами нарушал тишину раннего июльского утра. Фотокамера выскользнула из вспотевших рук и не упала только благодаря ремню на шее девушки.

Вчера утром был дождь. Настя приходила сюда на разведку – выбрать место для съёмки, посмотреть, как будут вести себя утки и на что их можно сподвигнуть крошками батона, чтобы на следующий день не тратить на это время. Ещё бы, ей нужно было поскорее закончить съёмку, вернуться домой, разбудить Люську и отвести её в садик.

Сегодня всё шло замечательно. Солнце обеспечило дивный свет в кадре, туман живописно стелился над водой, даже утки не казались сонными, взбодрились и без страха выбирались на берег. «Неужели меня вчера запомнили, дурынды?!» Девушка мастерски ловила нужный ракурс и воодушевлённо щёлкала камерой, как вдруг...

– Что, решила сделать пару кадров на прощание? – отвлёк от объектива хриплый мужской голос.

Настя встала и повернулась к говорящему. Незнакомый высокий мужчина лет сорока показался бы ей даже симпатичным, если бы не перекошенное от ненависти лицо.

– Мы знакомы? – с недоумением спросила она.

Зря она это сказала. Потому как незнакомец достал из кармана пистолет и направил на неё.

– Я вижу, ты совсем охренела! Три года гражданского брака можно считать знакомством? Ноги чуть не подкосились, а тело обмякло.

– Вы... Вы меня с кем-то спутали, – едва выговорила она.

Липкий страх парализовал её сразу. В любую секунду он может спустить курок, и тогда... Тогда её, Насти, не станет. Люську, дочку её лучшей подруги, умершей год назад от рака, удочерённую ею, органы опеки незамедлительно отправят в детский дом, а мама сляжет с инфарктом.

– Постройнела, волосы подкрасила, – с издёвкой произнёс ненормальный и двинулся на неё. – Ритуль, думала, что я тебя не узнаю?

«Рита!» – тут же пронеслось в голове девушки.

– Я не Рита, я Настя! Меня зовут Настя! – закричала она.

«Неадекват» продолжал медленно идти в сторону девушки. Создавалось такое впечатление, что он либо не расслышал, либо ему было всё равно. «Помогите!..» – девушка в надежде озиралась по сторонам, но увы: утро, обычных гуляющих ещё нет, а все зожники кучковались около спортивной площадки совсем в другом конце парка.

* * *

После второго круга ноги сами понесли Илью вглубь парка. Обычно еле слышный, сегодня его внутренний голос что-то разошёлся: «Тебе не надоело каждый день одно и то же? Начни уже менять свою жизнь! Боишься менять кардинально – начни с мелочей. Третий год подряд каждое утро бегаешь привычным маршрутом! Ты не замечаешь этого? Сворачивай!» И он свернул.

Картина, которую он увидел, удивительным образом смахивала на кадр из фильма и выглядела весьма натурально: бандит с пистолетом собирается расправиться с беззащитной жертвой. Илья даже осмотрелся – не кино ли здесь снимают? Но ни камеры, ни операторов он не увидел. Зато увидел распахнутые от ужаса глаза девушки и прочёл в них мольбу. Остановившись, он замер, оценивая ситуацию.

– Вали отсюда, спортсмен, – заметил Илью «снайпер», не убирая прицел с жертвы.

Белов похолодел: мужчина с пушкой явно не шутил.

«Вмешаться и получить пулю в лоб?! Нет уж, спасибо! У меня семья: жена, сынишка. А эта девушка мне никто. Может, она сама виновата?» – подумал Илья.

Спокойный и уравновешенный, он всегда старался избегать конфликтных ситуаций. Часто жена выговаривала ему за это, называя тюфяком, бесхребетным, мальчиком для битья. Начинались ссоры. Упрёки супруги коробили его, мужское самолюбие страдало, но он ничего не мог с собой поделывать: размахивать шашкой наголо и бульдозером переть на врага было не его. Вот и сейчас Илья вздохнул и уже хотел было развернуться, представляя искривлённые в презрительной усмешке губы своей жены Маринки...

И снова внутренний голос вмешался грубо и бесцеремонно: «Действуй же! Несколько секунд у тебя ещё есть! Потом будет поздно! Если жена узнает, что ты трусил, она уйдёт от тебя. Она уже на волоске от этого. Ничего не бойся! Верь мне, всё будет хорошо!»

Илья рванул вперёд, преодолев расстояние в один скачок, и закрыл собой девушку. Раздался выстрел, и он стал оседать...

* * *

Настя побелела, уверенная, что следующий выстрел будет в неё. Она не мигая смотрела на стрелявшего, не в силах ни вскрикнуть, ни убежать: ноги не слушались.

Странно, но после выстрела лицо «стрелка» перестало выглядеть пугающе неадекватным, оно преобразилось: появилась осознанность! Сейчас вместо агрессии оно выражало растерянность и недоумение. Было такое ощущение, что он сам удивился тому, что сделал, изумлённо рассматривая свои руки и свой же пистолет.

Потом мужчина вышел из ступора и стал действовать. Поставив на предохранитель, он убрал оружие, мигом подскочил к парню, что закрыл её, Настю, собой, и рванул молнию плотной олимпийки. Девушка поморщилась и резко отвернула лицо: вся футболка под олимпийкой была огромным красным пятном, из отверстия у ключицы сочилась кровь.

– Я Кирилл. Как тебя зовут? – скороговоркой спросил он.

– Настя, – еле выговорила она. – Я уже вам говорила своё имя...

– Не помню, – буркнул «стрелок». – Настя, у тебя есть что-нибудь из хлопка? Платок там, футболка...

– Платка нет, только футболка.

– Снимай!

Её снова затрясло: рано она успокоилась, видимо судьба ей приготовила ещё испытания.

– Как снимать?! – опешила девушка.

– Быстро. Я отвернусь.

Настя обмерла и не шевелилась. «Не нужно его бояться. Он не сделает тебе ничего плохого, – зазвучал откуда-то голос, сверху ли, сбоку – она не разобрала. – Просто помоги ему, Настя!» Этот вкрадчивый голос действовал на неё успокаивающе.

Девушка быстро разделась. Потом, надев свитер обратно, протянула футболку. Потом она смотрела, как ловко он разрывает ткань на лоскуты, как связывает их. Один небольшой обрывок ткани он превратил в тампон и, плотно прижав к ране, туго забинтовал самодельными бинтами.

– Лихо у вас получается, – невольно вырвалось у неё. – Откуда вы это умеете?

– Приходилось, – бросил он коротко. – Пошли!

– Куда?!

– Машину ловить.

Кирилл подхватил раненого на руки и быстрым шагом направился к выходу из парка.

– Я в сторону отойду, а ты попробуй машину остановить, – уже на ходу командовал он.

– А если водитель не захочет в больницу везти? – засомневалась девушка.

– А пушка на что? – грустно усмехнулся Кирилл. – Выхода у нас нет. Надо к врачам героя доставить, и побыстрее.

Им повезло, водитель попался понятливый, оружие доставать не пришлось. В машине раненый пришёл в сознание и застонал.

– Тебя как звать? – задал вопрос Кирилл.

– Белов. Илья.

– Держись, Илья, в больницу едем. Рана неопасная, могло быть гораздо хуже – Бог отвёл.

* * *

Им велели ждать возле операционной. И они ждали. Настя отсела подальше, на краешек скамьи.

– Боишься меня?

Вместо ответа девушка пожала плечами. Поначалу там, в парке, он сильно напугал её. Сейчас мужчина производил впечатление нормального, адекватного человека.

– Не бойся. Самое страшное, как я понял, позади...

Вдруг она вспомнила про Люську и рванула телефон:

– Мама! Это я, Настя. Мам, Люська одна дома, уже проснулась, наверное. Её нужно покормить и отвести в детский сад, срочно. Мам, я потом тебе всё объясню. Просто выручи меня сегодня!

Кирилл внимательно смотрел на девушку, на её серьёзное напряжённое лицо и озабоченный вид.

«Интересно, какая у неё улыбка?» – почему-то подумал он.

– Что, с дочкой проблема?

– Она одна дома.

– Маленькая?

– Шестой годик.

Илья прикинул, сколько Анастасии лет.

– Рано родила?

Настя посмотрела на малознакомого, недавно стрелявшего в неё мужчину: «Стоит ли рассказывать?»

– Я не рожала, – со вдохом ответила она. – Люся – дочка моей лучшей подруги.

И она поведала их грустную историю.

– Пришлось чиновникам взятку дать, чтобы они мне документы на удочерение подписали: незамужним обычно отказывают. Ну вот с тех пор мы с Люськой вдвоём, а мама со мной почти не разговаривает, говорит, что я себе жизнь сломала, – закончила рассказ девушка.

– Хорошая ты, – улыбнулся Кирилл, потом наклонился, обхватив голову руками. – Вот бы я набедил, если бы!.. Как ты вообще оказалась в этом парке в такую рань?!

В голосе Кирилла слышалось раскаяние, видно было, что история со стрельбой мучает его.

– Утром свет для фотосъёмки хороший. Я в свободное время фотографией увлекаюсь, в выставках участвую. А вас что в парк привело?

Кирилл посмотрел на неё задумчивым взглядом.

– Со мной очень странно всё: много нестыковок и того, что я не могу себе сам объяснить.

Мужчина видел, что девушка внимательно слушает его и ей действительно это интересно, и продолжил:

– Ночью мне приснилась моя бывшая девушка Рита. Полгода прошло...

– Вы её, что... того?! – ужаснулась Настя.

– Да нет, конечно, – рассмеялся Кирилл. – Она полгода назад вышла замуж за итальянца: выгодная партия и всё такое. Кажется, они сейчас в Риме живут.

На этом весёлость мужчины закончилась, и он снова стал серьёзен.

– Ну вот, – продолжил он. – Я проснулся ближе к утру с тяжёлой головой. Что-то меня подталкивало выйти на улицу. Навязчивая мысль, будто Рита ждёт меня на остановке и, если я не удержу её, она уедет. Помню, как взял пистолет и спустился вниз.

– А в парке как очутились?

– Так я за тобой шёл.

– За мной? – девушка от удивления распахнула глаза.

– Ты очень на неё похожа, только шёл-то я за Ритой. Целый квартал шёл.

– Я не заметила.

– И не должна была. Нас этому учили... – с сарказмом усмехнулся он.

– Чему учили? Где?

– Не важно.

– Кирилл... – тихо произнесла она. – Но там, в парке, вы стояли ко мне лицом, и я кричала, что я не Рита.

Мужчина протёр лицо ладонями и нервно закусил губу. Он снова опустил голову, и девушка только сейчас заметила, что волосы наполовину уже седые. Ей захотелось вдруг провести пальцами по его коротко стриженному ёжику волос.

– Вот это-то мне и непонятно. Я видел перед собой лицо моей бывшей, помню ярость, помню голос в голове: «Стреляй, такие, как она, не должны жить». Ещё мне непонятно: я промахнулся! Перед самым выстрелом меня стало трясти, а руку вообще в сторону повело.

– Что ж в этом странного? Вы были не в себе. В состоянии аффекта и не такое бывает! – возразила девушка.

– Настя, я никогда не промахиваюсь...

В воздухе повисла пауза.

Девушка замолчала, не зная, что ответить. Потом подняла на него свои ясные зелёные глаза и тихо произнесла:

– То есть вы жалеете, что промахнулись?

– Совсем с ума сошла?! – тут же с обидой воскликнул он, от волнения перейдя на «ты». – У меня до сих пор мороз по коже, что я мог натворить! И я не нахожу объяснения своему поступку, мистика какая-то!

Прямо по коридору приближались двое полицейских в сопровождении спецназа в полном боевом снаряжении.

– Ну вот, за мной пришли, – мрачно кивнул в сторону полиции Кирилл.

– Так быстро?!

– При огнестреле врачи обязаны сообщить – таковы правила.

– И ты так спокойно об этом говоришь?! – воскликнула девушка.

Кирилл с удивлением посмотрел на неё:

– Я стрелял в человека. Я должен за это отвечать.

Он встал навстречу гостям, достал из кармана пистолет, положил его на пол и отступил назад на три шага. Потом поднял руки.

– Всё, спокойно, капитан. Больше оружия при мне нет. Проблем со мной не будет.

Тот, что повыше в форме полицейского, поднял пистолет, подошёл и обшарил задержанного.

– Всё чисто.

– Я же говорил, капитан, сопротивления не будет. Даже наручники не потребуются, – подтвердил Кирилл.

– Почему я должен тебе верить? – поднял бровь капитан.

– А ты просто пробей по своим каналам: Мезенов Кирилл Валерьевич, семьдесят девятого года рождения.

Напарник взял телефон и, позвонив кому-то, продиктовал данные задержанного. Не прошло и двух минут, как к нему на телефон поступил вызов. Видимо, пришёл ответ, потому как у полицейского вытянулось лицо и он что-то шепнул капитану. Тот убрал наручники и жестом пригласил следовать за ним.

Кирилл подошёл к Насте и тронул девушку за плечо:

– Прости меня, сестрёнка!..

Потом он повернулся и зашагал за полицейскими.

– Я тоже поеду с вами, – встала девушка.

Мужчины обернулись:

– Вас как свидетеля допросят позже. Вы же оставили свой телефон?

– Да, но я не только свидетель.

Капитан удивился:

– Кто ещё?

– Я корреспондент.

* * *

Он стоял на краю больничной крыши, приняв очертания человека в чёрном. Обычно он не заморачивался: представал перед ней густым серым туманом или, ещё чаще, облаком чёрной пыли. «Сегодня, надо же, выпендрился!..»

– Bravo- bravo! Как мы ловко сподвигли паренька на подвиг. «Несколько секунд у тебя ещё есть! Потом будет поздно!» – язвительно процитировал он её слова, сказанные Ильё. – Так сказать, одним выстрелом двух зайцев.

– Руки прочь от девчонки! – грубо оборвала она демона, и сияние вокруг неё усилилось.

– Ты можешь поменять облик?! Мне неприятно разговаривать со сгустком света! – раздражённо воскликнул он.

– Что вдруг?! Глаза режет? А так сойдёт?

Ангел мгновенно превратилась в женщину в белом одеянии. За спиной, разгоняя воздух, захлопали два огромных крыла.

– Для тебя явлюсь хоть при полном параде! А вообще, обойдёшься! Я передумала, – сказала женщина и вновь превратилась в ослепительно яркий светящийся контур, распространяя вокруг десятки, а то и сотни лучей.

– Тварь! – выругался человек в чёрном, закрываясь от яркого свечения, потом ехидно заметил: – А всё равно ревность и вспыльчивость заставили подполковника взяться за пистолет. Мезенову светит срок.

– Это ты тварь! – Серафима была вне себя. – Как ты прознал про пистолет?

– Копнул прошлое... Он, ещё когда в горячей точке был, его нашёл. Нашёл и оставил. Думал, никто не узнает. Зря...

– Рано радуешься, упырь! Полковника выпустят через месяц. Илья заявление писать не стал, Настя тоже. Учитывая его работу в органах безопасности, его действия расценили как

хулиганство, двести тринадцатая статья, – с вызовом рассмеялась она ему в лицо. – И что самое интересное: по-моему, этим людям только на пользу пошло, что ты их познакомил, да ещё таким оригинальным способом. Теперь их отношения только в их руках.

Видимо, у демона закончилось терпение – вместо фигуры человека образовалась воронка из чёрной пыли.

– Я ещё их достану, – пообещал он, растворяясь в воздухе.

– Только имей в виду, они под моей защитой! – вдогонку успела крикнуть ему Серафима.

И, погружённая в свои мысли, она села на краю крыши.

«Хуже нет, когда тебе доверяют миссию дежурного ангела. Одно дело, когда ты „ведёшь“ своего подопечного с самого крещения и до кончины, а затем вы вместе возвращаетесь „домой“, другое дело, когда у человека нет личного ангела-хранителя. Не оставлять же бедолагу без поддержки Небесных Сил».

Дело это хлопотное и неблагодарное: проходя в толпе, почувствовать, кого из людей старается поймать в свои сети дьявол, и вмешаться, пока тот не сгубил его душу. Вот на этот случай и предусмотрен дежурный ангел.

Далеко не каждому ангелу доверяется подобная миссия, а лишь самым-самым чутким и способным, можно сказать, даже талантливым! Сима как раз была из таких. Ещё бы, не каждому дано быстро реагировать на козни слуги дьявола, который тут же старается нарисоваться возле «ничейного» человека.

Вселенная всегда предусматривала некое равновесие добра и зла. Серафима не знала, кем и когда это было задумано, но связанность и противостояние дуалов были извечны, как мир. Её дуалом был Шет, демон сильный и умный. Он опасался и уважал её, Серафиму: где-то она даже была сильнее его. И демон ненавидел её за это. Она также понимала, насколько силён и коварен он и насколько вероломен... И так же испытывала истовую вражду.

Конечно, каждый из них предпочёл бы противника послабее. Но! Здесь и крылся тайный замысел, код их отношений. Они не могли существовать друг без друга. Беря себе в противники «середничка», второй сам моментально слабел, у него происходил отток энергии. Оставалось одно: переиграть или нейтрализовать дуала, не уничтожая.

Чтобы работать на опережение, в ход шёл весь арсенал. Они могли слышать и внушать мысли, знать, что человек чувствует, угадывать намерения, оба были способны при необходимости заглядывать в будущее и перемещаться во времени и ещё многое другое... Спасённая или загубленная душа была ценным трофеем, и они сражались до конца, даже если были измотаны. Ибо каждая победа влияла на расстановку сил добра и зла.

Кто сказал, что ангелы не устают? Устают, да ещё как! Она улеглась на раскалённой от солнца крыше и в блаженстве прикрыла глаза. «В этот раз я победила!»

Отдых ангела длился недолго. Мысль от том, что демон, возможно, уже замыслил очередную пакость, пока она нежится здесь, вернула её из сладкого забытья.

– Хочу увидеть, где сейчас эта нечисть! – громко произнесла Серафима и прикрыла глаза.

А через мгновение она уже летела туда, где срочно требовалась её помощь.

* * *

Максим Зорин шёл по коридору «на ковёр» к начальнику училища. Вернее, не шёл, его вели. Позади него сопел сопровождавший его командир их батальона СПО Воздушно-десантных войск – Лапоть, как за глаза называли курсанты майора Лаптева Петра Егоровича.

– Меня отчислят? – спросил Макс, не оглядываясь.

– Само собой, – буркнул майор и вздохнул: – Какой позор! Один из лучших курсантов, гордость батальона подрался в расположении со своими однокурсниками! Одному передние зубы выкрошил, другому в медсанчасти бровь зашивают. Ты вообще соображаешь? Вот как ему сейчас без зубов?

– Рот будет меньше раскрывать, – жёстко отозвался Зорин.

– Вот за что ты их? – не унимался начальник.

– За дело! – отчеканил Макс, вспомнил сегодняшнее утро и отследил: кулаки снова сжались.

Уже две недели его Иринка не писала. Мало того, она ещё и не отвечала на звонки. Неделю он просто ждал, потом в голову полезли нехорошие мысли. Четверть парней с их курса уже кинули подруги. Вначале наблюдались те же «симптомы»: девушки писали всё реже и реже и в конце концов переписка сходила на нет. И приходило прощальное «письмо счастья» – дескать, прости, мил друг, но два года и десять месяцев слишком много и я нашла тебе замену. Правда, Иринка оборвала переписку резко и без объяснений, письма просто перестали приходить.

Макс с тоской вглядывался в её фотографию: «Что же ты молчишь, Ирка?» Потом, вздохнув, убрал фото в тетрадь.

* * *

Отца Максима, полковника Николая Александровича Зорина, постоянно перебрасывали с места на место. Его талант наводить порядок и вытаскивать отстающие подразделения на должный уровень пользовался спросом у командования.

Называлось это новомодным словом «антикризисный менеджер», хотя супруга нашла иное, альтернативное название – «волшебный пендель». Макс в свои неполные тринадцать лет относился к кочевой жизни философски, а мама к постоянным переездам давно привыкла.

Максим попал в их седьмой «Б» в середине учебного года и, доучившись, в мае простился с этой школой. Простился без жалости, причиной тому были одноклассники, дружно достававшие его и в конце поглумившиеся над ним. Макс тогда никому ничего не сказал, а ту историю старался забыть, как страшный сон, и не мог...

И лишь об одном он сокрушался: он никогда не увидит Иринку, девочку со второй парты с выразительными карими глазами. Он влюбился внезапно и без памяти. Ходил в школу только для того, чтобы видеть её. Какая там учёба?! Ирка Жукова стала его наваждением. Если бы не привычка учиться дома, он бы съехал на тройки.

Не решаясь признаться, что она ему очень нравится, про себя он звал её не иначе как «моя Ира» и жутко ревновал её ко всем пацанам. Ему с дальней парты было удобно незаметно рассматривать её. Иногда девочка словно чувствовала его прожигающий взгляд и оборачивалась. Но Макс всегда успевал склонить голову к учебнику.

Уезжая, в последний день он выкрал с классного стенда её фотографию.

Восьмой и девятый классы Максим закончил в гарнизонной школе под Оренбургом, десятый и одиннадцатый – на пограничной заставе под Соловьёвкой. Увы, наваждение не прошло. Девочка с длинной чёлкой с фотографии сильно бы удивилась, если б узнала, что выросший и возмужавший бывший её одноклассник не переставал вспоминать о ней каждый день...

Когда Максим был в десятом классе, умер дед. Квартира год стояла пустая. Теперь, когда Максим сдал все экзамены, они с отцом вернулись в город, и у них была всего неделя, чтобы уладить все дела с наследством и сдать дедову квартиру в аренду.

Кроме дел Николай Александрович планировал встретиться со старыми друзьями. Макс же мечтал увидеть только одного человека – Ирину. И ещё он боялся, что у неё уже кто-то есть.

– Завтра выпускной бал, – утром за завтраком заметил отец. – Не хочешь в школу зайти? Всё-таки полгода в ней проучился.

– Не хочу, – сухо отказался Максим, изменившись в лице.

– Зря, ну да ладно, дело твоё. Ты меня не теряй и домой сегодня не жди. Мы с мужиками на даче за городом отдохнём, в бане попаримся, – предупредил Зорин-старший. – Тебя не приглашаю по понятной причине: негоже будущему, я надеюсь, курсанту военного училища разговоры про армию слушать.

– Понял, па, – улынулся Макс. – Когда приедешь?

– Завтра к вечеру, не раньше. Имею право на отдых! Не помню уже, когда в последний раз в отпуске был.

Где жила Ирина Жукова, Максим знал. Проводив глазами машину, увозившую отца, он надел белую рубашку и брюки от костюма, потом посмотрел на себя в зеркало и усмехнулся: «Точно школяр или офисный работник!» Тут же, быстро убрав рубашку и брюки в шкаф, нацепил привычные джинсы и чёрную футболку. «Так-то лучше. Хоть на человека похож», – сказал Макс своему отражению и вышел из квартиры.

Чем ближе подходил он к её дому, тем медленнее становились его шаги. Уверенность покинула его. «Что я ей скажу? Ну поздороваюсь с ней: здравствуй, Ира! Дальше что?! Она, может, и не вспомнит меня: четыре года прошло! Нет, вряд ли она запомнила тощего неказистого пацана, того хлюпика, каким я был в седьмом классе».

Вот и их двор. Детская площадка совсем развалилась. Макс присел на обшарпанную карусель и с тоской посмотрел на её подъезд, понимая, что не решится подняться на третий этаж и позвонить в тридцать вторую квартиру, что посидит немного во дворе и уйдёт бродить по набережной...

Кто-то сел на карусель за его спиной. «Видимо, решили покататься, а я мешаю». Максим обернулся сказать, что уже уходит, и язык прилип к гортани: на карусели напротив сидела она! Такая же солнечная, улыбчивая, с бесконечно счастливыми глазами – его Ирина.

Он молча оттолкнулся ногами от земли, и старая карусель пошла по кругу с лязгом и скрипом, а они смотрели друг на друга, не в силах оторваться...

* * *

Оказывается, он был осёл: она всё чувствовала! Что именно он сверлил её взглядом на уроках, и что она нравится ему, и что он дико стесняется к ней подойти. Чувствовала и ждала, что он проявит себя. И он проявил себя, украв её фотографию...

Об этом поведала она ему, когда Макс вдруг осмелел, остановил карусель, помог подняться и нежно прижал её к груди.

– Ирка!..

– Макс!.. Ты со мной! Ты рядом... – она уже шмыгала носом.

Девушка совсем не изменилась, осталась такой же невысокой и хрупкой. Только фигурка оформилась да волосы отросли. Макс был теперь выше Иринки на целую голову – обоим это так непривычно! Девушка видела, что времени он зря не терял: за четыре года слепить такую мускулатуру из того, что было, – просто фантастика. Жукова смутилась и опустила глаза.

– Ты мне сегодня ночью снился. И сердце с утра как сумасшедшее билось. Из магазина вышла – ноги будто сами к дому несли.

– Ирка, а ведь я чуть было не ушёл... – признался Макс, обнимая своё обретённое сокровище. – Я бы не решился... Какая ты умница, что успела.

Иринка подняла на него свои жаркие карие глаза.

– Ты так ничего и не понял, Зорин?! Мы не могли не встретиться!..

Ни на какой выпускной она, конечно, не пошла. Надела нарядное платье, чтобы родные не задавали лишних вопросов, попросила подругу предупредить в школе, что ей нездоровится, и они сбежали на пристань. Макс стянул футболку и постелил на доски, чтобы её шикарное платье не испачкалось. И они сидели рядом, говорили о прошлом, о будущем и не могли наговориться...

– Макс, а ты уже решил, куда будешь поступать? – вдруг спросила Ирина.

– Конечно, я в Рязанское десантное училище буду пробиваться.

– Значит, как отец, будешь военным, – вдруг погрузилась она.

Он подхватил её, маленькую и лёгкую, и посадил себе на колени.

– Ириш, чтобы понять, моя ли это профессия, я должен в ней повариться. Поэтому я нацелился на среднее профессиональное образование, а не на высшее. Думаю, за неполных три

года я смогу определиться. Там очень серьёзное образование! Ну и рабочая специальность для мужчины – это совсем не лишнее, если, конечно, прорвусь.

Макс был поражён: ни с кем никогда ему не было так легко. Иринка внимательно слушала, прижавшись щекой к его груди, не перебивая.

– Ты-то будешь поступать?

– А как же, – задорно блеснули её глаза. – Я буду... Только обещай не смеяться!

– Обещаю.

– Я буду цветоводом! Хочу выращивать самые красивые цветы. И когда у меня будет дом...

– У нас будет дом, – перебил её Макс.

– И когда ты построишь нам дом, – с улыбкой исправилась она, – он будет утопать в зелени. Вот такая я странная! Все мечтают о карьере, о престижной работе, а я – о всякой ерунде.

Он повернул девушку к себе.

– Это не ерунда! И ты не странная! Ты необыкновенная!..

Макс вспомнил их первый поцелуй на фоне закатного неба и вздохнул.

– Что вздыхаешь? Раньше надо было думать, – прервал трепетные воспоминания Лаптев.

Он подошёл к кабинету с табличкой «Начальник училища генерал-майор Анохин Вадим Андреевич» и прислонил ухо к двери. За дверью, видимо, шёл спор: разговаривали на повышенных тонах.

– Совещание идёт. Рано пришли, надо подождать.

Зорин отошёл к окну и снова погрузился в свои воспоминания.

Он мог привести Иринку в дедову квартиру: её родные ждали выпускницу только к утру. Но Макс не решился – просто проводил её до квартиры и обнял на прощание.

– Ты когда в Рязань уезжаешь?

– Через пять... чёрт, уже через четыре дня, – тихо сказал Макс и зажмурил глаза.

– Встретимся завтра?

Иринка встала на цыпочки и обняла его.

«Четыре дня, – пронеслось в его голове. – Всего четыре...»

– Какой-то ты странный, – окинул его взглядом отец. – Только не говори, что передумал в десантное поступать.

– С чего ты взял?!

– Лицо у тебя больно задумчивое, – подмигнул он и хлопнул сына по плечу. – Не дрейфь: у тебя с твоими баллами есть все шансы поступить. Если физику, конечно, не завалишь. Кросс-то сегодня бегал?

Макс кивнул. Он уже с утра пробежал километров девять с ускорениями по парку и сделал три подхода на турнике на школьном стадионе. Он ощущал небывалый физический и душевный подъём. Мысль о том, что сегодня он вновь увидит её, осторожно сожмёт узкую ладошку и коснётся её губ, будоражила его.

– Вот ещё что, – вспомнил Зорин-старший, – тебе придётся в Рязань без меня ехать. Меня в часть вызывают, завтра утром в поезд. Прости, сын, служба, сам знаешь. С риелтором я договорился, ты, как будешь уезжать, ключ ему отдашь.

– Хорошо, пап.

Она скинула туфельки в прихожей и теперь ступала босиком по скрипучим половицам.

– У нас такая же квартира, только комнаты три и окна во двор выходят.

Макс сидел напряжённый, стараясь изо всех сил, чтобы его тайные мысли не вылезли наружу. Если б она была хотя бы в джинсах! Но сегодня обещали жару, и на девушке был цветастый летний сарафан на бретельках, который заканчивался выше колен... «Мэрилин Монро отдыхает!»

Единственный выход – это держаться на расстоянии, ибо Макс понимал, что, стоит ему прикоснуться к ней, произойдёт катастрофа... А она, как назло, тянулась к нему. Вот и сейчас Иринка подошла к нему сзади, положила руки на плечи.

– Обними меня, Макс.

Он быстро встал со стула и отошёл к окну.

– Ира, пожалуйста, не сейчас...

Когда он повернулся, она так и стояла посередине комнаты, руки безвольно висели вдоль тела, а в глазах наворачивались слёзы. И крышу его сорвало. Он поднял её на руки и понёс в спальню.

«Боже, что я делаю!» – ужаснулся он, когда, спустив бретельки, прильнул губами к обнажённой груди. И это была последняя мысль в его голове...

Следующая мысль: «Что я натворил!» – пришла уже гораздо позже, когда Макс лежал на спине и смотрел в потолок, ругая себя на чём свет стоит. До него слишком поздно дошло, что он у неё первый... Рядом с безмятежной улыбкой посапывала на плече Иринка. Страх, что она будет проклинать его, когда до конца осознает, что произошло, навалился на него. «Слабак ты, а не мужик! Что, не мог сдержаться?!»

С тяжёлым сердцем Максим ждал её пробуждения, потом и сам задремал. Проснулся он от щекотки. Когда открыл глаза, увидел: Иринка склонилась над ним, её волосы и щекотали его нос. На лице её сияла улыбка, а глаза светились от счастья. Кажется, она ни о чём не жалела.

– Ира, – сконфузился Макс. – Прости меня, я не знал, что...

Она нежно погладила его по щеке.

– Я сама захотела... Я без ума от тебя, Зорин!

Два года из Воронежа приходили от неё письма через день. И вот теперь молчание...

Дверь кабинета распахнулась, и показался замначальника училища по военно-политической и воспитательной работе Лебедев.

– Спорить я с вами не стану, Вадим Андреевич, но вы моё мнение услышали, – бросил он, уже выходя из кабинета, и зашагал прочь по коридору, не обратив внимания на майора и курсанта, вытянувшихся в струнку в знак приветствия.

– Разрешите войти? – заглянул в кабинет Лаптев и подтолкнул курсанта вперёд: – Заходи.

* * *

Серафима успела вовремя. Шет постарался вовсю. Для начала он сделал так, чтобы живущие в одной комнате с Зориным Серёга Галямов и Михаил Петренко забили на самоподготовку и не подготовились к зачёту. В результате физику они завалили и на фоне Зорина, сдавшего на отлично, выглядели аутсайдерами – демону уже не составило труда посеять зависть у обоих.

Потом Шет прекрасно был осведомлён про большую мозоль обоих курсантов: проблемы с женским полом. Девушка Галямова «сдулась» ещё на первом курсе, и Серёга долго переживал. Вика, девушка из Рязани, с которой Сергей познакомился в увольнении, выносила парню мозг своими капризами. Они то расставались, то мирились и снова начинали встречаться.

Мише Петренко, как он считал, не повезло с внешностью. Черты лица были грубые, он комплексовал и не подходил знакомиться. Поэтому девушки у него никогда не было.

В пятницу Вика закатила на пустом месте грандиозный скандал, оттого что из-за «хвоста» у Галямова накрылось субботнее увольнение. Демон прямо диктовал ей в ухо, что нужно говорить ему в трубку. Галямов после их разговора был в бешенстве. Почва для ссоры была подготовлена и тщательно удобрена...

Проснувшись субботним утром, Макс первым делом взялся за телефон. Иринка, увы, была недоступна.

Сергей тоже проснулся и оторвал голову от подушки:

– Ты чё, Зорин, в такую рань поднялся?! Спи давай, ещё полчаса до подъёма!

Максим ничего не ответил, ещё раз набрал номер.

– Ты тупой, что ли?! Она имя твоё уже забыла: трахается с каким-нибудь ботаном в своём Воронеже.

Сегодня Галямов был совсем на себя не похож: от обычно весёлого добродушного парня сейчас исходили агрессия и злоба.

– Рот закрой, – жёстко осадил товарища Макс, поднялся с постели и стал одеваться.

– Мужики, вы чего с утра не в духе? – спросил сонный Петренко.

– Да вот, Миха, Зорин всё никак поверить не может, что его баба кинула. Он думал, что на нём свет клином сошёлся, ан нет! – усмехнулся Сергей и тоже стал одеваться. – Хорошую тёлочку быстро к рукам приберут, ну или не к рукам...

И Галямов заржал, показывая жестах непристойности. Петренко тоже засмеялся.

– Да все они такие! Шлюхи, одним словом...

Появившаяся в этот момент Серафима поняла, чего хотел Шет: чтобы Максим завёлся. Ярость, помноженная на отчаянье, сделала из Зорина машину для убийства. Он схватил с тумбочки телефон. Маленький и компактный, тот удобно лёг в ладони. Как кастет...

– Стой! – пыталась она его остановить, но программа в голове парня была уже запущена.

Тогда она ясно и чётко приказала ему:

– Брось телефон! Ты убьёшь его! Прочти, но не навреди!

На этот раз Зорин послушался голоса внутри себя и, выпустив телефон, ударил Галямова не в висок, как хотел вначале, а в челюсть. Потом подлетел к Петренко и приложил его головой к железной дужке кровати.

– Моя девушка не такая! Кто будет говорить о ней гадости – будет иметь дело со мной!

Серафима постаралась, чтобы эту фразу услышал майор Лаптев. Он шёл мимо по коридору, она просто заставила его заглянуть в их комнату.

На кровати сидел и держался за окровавленный рот Сергей. Он не понимал, что на него нашло и зачем он взёлся на Макса. Не лучше обстояли дела и у Михаила. Рассечённая бровь кровила, носовой платок быстро намокал.

– Галямов, Петренко! Быстро в санчасть! Зорин, из комнаты не выходить! Привести себя в порядок и застелить кровати обоим!

– Есть застелить кровати! – отозвался курсант.

Когда Лаптев вышел, Макс опустил на тумбочку, достал фотографию.

– Я не верю, что ты забыла меня! Что с тобой, Иринка?!

* * *

Как только Сима появилась, демон тут же исчез. Она почувствовала это.

«Успела! Ещё бы чуть-чуть, и партия была бы проиграна. Как ловко Шет расставил фигуры: замотивировал каждого, зная их больные места! И жертву выбрал правильно: Зорин физически силён, плюс ежедневные тренировки по рукопашному бою. Вряд ли у Галямова и Петренко такой поставленный удар».

Заглянув в будущее, Серафима увидела исход «операции», которую планировал демон. Да, дела у парней – врагу не пожелаешь: у Галямова – смерть от удара в висок, у Зорина – военный суд и тюрьма. И ведь парни так никогда бы и не узнали, что это – не их вина...

«Ладно, пока проблемы только у Зорина, надо помочь парню. Галямов как-нибудь сам зубы вставит».

Начальник училища внимательно посмотрел на Максима.

– Присаживайся, – указал он на стул.

– Я постою, товарищ генерал-майор.

– Присаживайся, я сказал, разговор долгим будет, – приказал Анохин. – Полковник Лебедев утверждает, что тебя нужно гнать из училища. Мы даже с ним поспорили сегодня. Но вот внутренний голос мне подсказывает, что в этой истории следует разобраться.

Макс поднял голову и с надеждой посмотрел на начальника: «Неужели есть шанс остаться?»

– Рассказывай коротко и ясно, в чём суть конфликта. Дыма без огня не бывает.

– Ну, парни были не правы, я им объяснил, они осознали, – отчеканил более чем краткую речь Зорин.

Анохин засмеялся:

– Да уж, парни действительно полностью осознали: один теперь со шрамом будет всю жизнь ходить, другой завтра на побывку домой отправляется – зубы вставлять.

«Хватит из себя героя корчить, рассказывай, иначе тебя просто выпрут из училища!» – уже ругалась Серафима.

– Я не знаю, что на них нашло, но они задели честь моей девушки, – признался Макс.

– Вот как?! – поднял брови генерал. – Что же они сказали?

– Мне не хотелось бы повторять это, товарищ генерал-майор. Если говорить кратко, то они сказали, что она – женщина лёгкого поведения, не любит и не верна мне.

– И что послужило основанием? – поинтересовался Анохин.

– Две недели я не получаю от неё никаких вестей.

– И ты даже в мыслях не допускаешь, что твоя девушка могла передумать?

– Нет, моя Ира не такая! Я на сто процентов уверен, что у неё что-то случилось, – горячо произнёс Макс.

Вдруг в голове генерала всплыла картинка, как он, будущий лейтенант, опоздал к поезду к жене Галине, когда рухнул в городе мост и весь транспорт встал. Он сказал ей правду, а она не поверила. Только когда узнала про мост из новостей, поздно вечером дозвонилась до училища и попросила у него прощения.

– Это хорошо, что ты так веришь в человека. Но лучше поговорить с ней лично.

– Телефон молчит, – тихо ответил Зорин.

– Пиши, где она учится, работает, фамилию, имя, отчество и год рождения. Запрос сделаем, там всё прояснится. В училище мы тебя оставляем, перед товарищами извинишься, наряды отработаешь.

– Спасибо, Вадим Андреевич! Есть отработать наряды! – воскликнул Макс. – Разрешите идти?

– Иди, курсант.

Больше Серафиме здесь делать было нечего. Она покидала этих людей со спокойной душой. Она улыбалась, зная, что через двадцать минут Лебедев дозвонится до декана факультета и ему объяснят, что у Ирины Жуковой была проблема с сердцем, ей срочно сделали операцию и что девушка сейчас в Воронежском кардиологическом центре проходит реабилитацию.

И ещё она знала, что через час генерал Анохин подпишет приказ о внеочередном недельном отпуске курсанта Зорина и уже завтра, в воскресенье утром, он сядет в поезд до Воронежа.

И лишь одна мысль тревожила светлого ангела: «Надо приглядывать за Ириной и Максом. Шет в ярости, когда проигрывает, и его мстительная натура жаждет отыграться... Надо быть начеку!»

* * *

Демон был доволен. Кажется, он нашёл решение, как победить ангела.

«Я действую избирательно, Серафима же распыляется. Её максимализм её и погубит. Она хочет помочь многим, но сможет ли она рассчитать свои силы?»

Если он мобилизуется, всегда ли она успеет за ним? Одновременно быть в двух местах – это даже ангелу не под силу! В конце концов кого-то она просто не успеет спасти, и чей-то жизненный вираж закончится штопором!

Серафима очень устала: демон начал действовать изощрённее и хитрее. Вчера она едва успела спасти двух детей. Пока родители, науськанные Шетом, выясняли отношения, малыши

забрались в надувную лодку. Плавать они не умели. Когда отец вытащил их, это были уже два бездыханных тела. Она появилась слишком поздно... Это чудо, что малышкой удалось откачать!

Вот и сейчас её охватило внутреннее беспокойство – верный признак, что демон вышел на охоту. Она сосредоточилась, представила демона и сразу, как это бывало всегда, перенеслась туда, где скрывался её дуал.

Серафима оказалась в школе, в классе биологии. Присмотревшись, она заметила среди подростков Ирину Жукову, тринадцатилетнюю девочку, темноволосую, с длинной чёлкой.

«Значит, Шет решил взять реванш? Тогда Макс Зорин в опасности. Кажется, я таки разозлила демона... И вообще, что он задумал? Решил изменить прошлое?»

Вторым уроком стоял по расписанию урок биологии.

Завуч школы зашла в класс и провозгласила:

– Дарья Семёновна приболела. Давление, возраст – понимать надо! Замену ей я вам не найду, все педагоги заняты. Придётся вам, седьмой «Б», посидеть одним. Кстати, на следующем уроке у вас контрольная по математике, есть время подготовиться. Полистайте учебник, посмотрите предыдущие темы.

Минут десять класс действительно сидел спокойно. Потом парни стали шушукаться. У парты Ильиных собралась компания, они, смеясь, кивали на шуплого мальчишку, в котором Серафима с трудом признала Максима Зорина. В отличие от других, он действительно достал учебник математики и уткнулся в него.

Под гогот и улюлюканье компания семиклассников выволокла Макса к доске. Никто из ребят не посмел заступиться: с компанией Ильиных старались не связываться.

Послышались выкрики:

– Держи его, пацаны!

– Биологичка заболела, сами урок проведём!

Ромка Газизов повернулся к стайке девчонок:

– Девчонки, стриптиз хотите? В исполнении лучшего ученика класса Максима Зорина.

Серафима увидела, как девчонки стали возмущаться, стараясь вразумить компанию Генки.

– Отпустите его, придурки!

– Вас бы так!

Но компания расходилась всё больше. Кто-то отдал платок, им Макс уткнулся рот. Кто-то отнял у одноклассницы пояс, яростно сопротивляющейся жертве завели руки за спину и связали их. Иринка Жукова с двумя девочками пытались прорваться на помощь к Зорину, но их грубо оттолкнули.

– Дуры! Для вас же стараемся! Живой урок биологии.

Лёгкого Макса приподняли, и Самсонов стянул с него брюки.

– Красава, Самсон, – поддержал Ильиных. – Надо ещё трусы стянуть, будем изучать репродуктивные органы человека.

– Не, – не поддержал идею Витёк. – В стриптизе трусы необходимы. В них деньги засовывают.

У Макса на глазах выступили злые слёзы: связанный, он ничего не мог сделать. Илью, с которым они дружили и который хотел было заступиться, оттеснили в конец класса, унижение продолжалось.

– Ну что, братцы, – обратился Газизов к классу. – У кого сколько есть? Может, наскребём на приватный танец?!

Самсонов порылся в кармане и сунул десятку за резинку плавок Макса. Снова послышался мерзкий смех. Троица пригрозила остальным такой же участью, если они откажутся сделать то же самое. Запуганные одноклассники один за другим повторяли гнусный поступок Самсонова.

Очередь дошла до Ильи.

– А ты что стоишь? – выверился на него Генка. – Или денег нет? Так на, я тебе одолжу!

Серафима видела, как в душе парня страх борется с совестью, как запрограммированный Шетом, он готов сдаться.

«И ты готов предать друга? Ты готов пойти на подлость?! Ты никогда себе этого не простишь. Никогда, слышишь?! Если ты струсил, вся жизнь твоя пойдёт под откос, потому что перестанешь быть мужчиной».

Роман Газизов услужливо протянул мятую десятку Илье:

– Ну, все тебя ждут...

Илья посмотрел в глаза Макса, затем перевёл взгляд на Самсонова и, выбрав момент, засунул купюру в открытый рот Витьки.

– Молодец, Илья! – закричали девчонки, а Макс изловчился и, освободив одну ногу, что есть силы пнул Газизова в пах.

Завязалась драка. Вдруг Иринка резко побледнела и упала возле парты. Началась паника, девчонки хлопали её по щекам, но девочка в сознание не приходила. Кто-то побежал за врачом, Макса отпустили. Илья помог развязать ему руки и одеться. Тот сразу бросился с кулаками на Генку и даже успел ударить его в ухо. Ильиных ответить не успел, потому как в класс вбежали завуч и врач.

Только сейчас Серафима поняла, что, помогая Илье, она упустила демона...

* * *

В кафе играла музыка, менеджер проводил их до столика. Что ни говори, а здесь было уютно. Макс видел, что Ира приятно удивлена.

– Макс, признавайся, мы что-то празднуем помимо моего диплома?

Вчера выпускница Воронежского государственного университета Жукова Ирина вернулась домой после четырёх лет учёбы. Макс встретил её у вагона, с минуту кружил на руках, потом поставил на землю.

– Твои знают, что ты сегодня приезжаешь?

– Не-а, я им сказала, что вернусь на неделе.

– Умница, – обрадовался Зорин. – Тогда я тебя украду, если ты не возражаешь...

– Не возражаю, – с довольной улыбкой ответила Иринка и тихо добавила: – Я так соскучилась по тебе, Макс!

Иринка прохаживалась по комнате.

– Четыре года здесь не была. Ничего не изменилось! – заметила она. – Ну, за исключением стола. Макс, ты уверен, что мы всё это съедим?!

Максим расстарался: раздобыл скатерть, купил вина и фруктов, даже приготовил пару салатов. Не забыл и про свечи, Иринка очень любила их мерцающий и таинственный свет.

– За что пьём? – спросила она, поднимая бокал.

– За самую очаровательную выпускницу и её красный диплом! Трепещите, растюхи, скоро за вас возьмётся дипломированный специалист!

Зорин вернул Иринку родителям только на следующий день к полудню и уже к вечеру с невозмутимым видом забрал снова – в кафе.

– Ну так что мы празднуем? – снова задала вопрос Ира.

И вдруг она заметила, что Зорин волнуется. Он теребил тканевую салфетку на блюде, не замечая этого.

– Мы пока не празднуем, но будем праздновать, если мы, вернее, если ты... – начал было он и не закончил фразы.

– Что я? – не поняла девушка.

Максим взял её за руку.

– Ты только, Ирин, постарайся сейчас не волноваться, ладно?

– Хорошо, – удивилась она.

– Если ты согласишься... стать моей женой, – наконец выговорил он.

Его глаза смотрели на неё с надеждой и тревогой: лишний стресс совсем ни к чему, даже если и радостный. Она же, ошарашенная, хлопала ресницами, и счастливая улыбка уже сияла на лице.

– Я давно уже твоя. Кто может быть лучше, чем ты?! – сказала она и опустила глаза. – И я хочу стать твоей женой!

Дальше всё пошло как по маслу: кольцо замечательно село на безымянный Иришкин палец, вино не перелилось через край бокалов.

– Значит, завтра мы идём в ЗАГС подавать заявление, а потом я повезу тебя смотреть дом. И если тебя он устроит, будем праздновать новоселье.

У девушки раскрылся рот от восхищения.

– Откуда деньги, Макс?!

– Ну, после училища я год работал и хорошо заработал. Плюс мне кредит дают. Ну и дедову квартиру продадим. Главное, чтобы моей будущей жене дом понравился.

– Это же моя мечта... – прошептала Ира. – Свой дом!

Официанты оживились, когда в зал вошла компания мужчин, очевидно завсегдатаи, судя по реакции персонала. Ирина посмотрела в их сторону и побледнела. Макс оглянулся и тоже узнал их: Генка Ильиных, Роман Газизов и Виктор Самсонов были их с Ирой одноклассниками. Ещё двоих Макс видел впервые. Новоприбывшие были уже навеселе и громко разговаривали.

– Макс, давай уйдём, – дрожащим голосом попросила Ирина. – У меня предчувствие нехорошее.

Зорин тоже почувствовал: что-то вокруг и в нём самом стало меняться. Где-то внутри подняла голову и закопошилась старая обида. Он ничего не забыл и с того седьмого класса вынес урок на всю жизнь: люди бывают порою такими подонками! Не все и не всегда, но бывают...

Их с Ириной тоже заметили. Видимо, бывшие однокласснички неплохо «поднялись» – выглядели хозяевами жизни и говорили соответственно.

– Ириша, сколько лет, сколько зим! Давно в городе тебя не видно было! – начал разговор подошедший Геннадий. – Отдыхаешь? Кто это тут с тобой?

Он бесцеремонно плюхнулся на стул между Ириной и Максимом.

– Мужики, Ирка Жукова здесь! – позвал он, и вся подвыпившая компания подошла к их столику.

Макс понял, что те двое незнакомцев – их охрана. Они зашли на его, Зорина, территорию, его невеста испытывала сейчас беспокойство и страх. Неприязнь к подошедшим стала заполнять Макса, он убрал руки под стол, сжал кулаки и стал разминать, вращая, запястья.

– Ребята, мы уже уходим, – поднялась было Ирина, но её за плечо усадили обратно.

– Куда ты так рано собралась? Познакомь нас со своим кавалером, что ли!

Ирина посмотрела в глаза Макса, увидела, как безумно сверкнули они, когда Ильиных прикоснулся к ней, и едва заметно покачала головой: «Не надо...»

– Ирэн, представь нам своего хахалю, – развязно выдал Газизов и вдруг, удивившись, обратился к Виктору: – Самсон, ты узнаёшь?

– Кого узнаю? – не понял Витёк.

– Да вот его, – кивнул в сторону Макса Рома.

– Ба, мужики, да это ж тот пацан, что в седьмом с нами учился, – узнал Ильиных. – Ну здравствуй, как тебя там, Макс, что ли?

Зорин поднялся и встал за спиной Ирины, положив руки ей на плечи.

– Ириш, всё будет хорошо.

Его рост несколько удивил компанию: они помнили его низкорослым и худым.

– Какие-то проблемы, мужики?

– Ты чё, клоун, – зло зашипел Гена. – Осмелел, чё ли? Забыл, как мы с пацанами поучили тебя, ботана?

Агрессия, исходившая от Ильиных, передалась Макс. Он словно заразился ею. Мысленно вернувшись в тот злополучный день, Зорин вновь испытал унижение и боль по вине этой троицы, что находилась сейчас рядом с ним. Он почувствовал, как в нём закипает гнев и требует выхода.

Видимо, они были толстокожими, изменение в нём ощутила только Ирина. Она положила свою руку на его, напряжённо сжавшуюся у неё на плече.

– Пожалуйста, Макс, пойдём отсюда! Ну пожалуйста, Макс! – взмолилась она.

– Это вы что-то осмелели! – произнёс с презрением Зорин. – Вы, шакалы, только и можете, что нападать толпой. По одному-то борзость быстро исчезает. Быков вон наняли туши свои драгоценные охранять.

– Порву! – не выдержал Ильиных.

– А ты попробуй, – ухмыльнулся Макс и размял шею.

Он него не ускользнуло, что Самсонов подал жестом команду телохранителю и что тот вынул резиновую дубинку. Вынул и тут же схватился за сломанную кисть, а дубинка была теперь в руках Макса. Он перемещался как молния. Следующим на пути был Самсонов – он сложился пополам, держась за живот. Второй охранник ввязался в драку и через минуту лежал на полу, держась за челюсть.

Газизов и Ильиных переглянулись. Роман медленно вытащил травматический пистолет и направил сначала на Макса, но тут же, подумав, перевёл «ствол» на Ирину.

Макс похолодел. Внутри он услышал голос: «Он сам подписал себе приговор. Убей его!» Дальше отключилась голова, и сработали навыки. Не помня как, Макс оказался рядом. Выбив пистолет, он ударил Газизова ногой. Запрокинув голову, тот полетел назад на кованую декоративную корзину для зонтов и, ударившись, упал навзничь. Почему-то он сразу захрипел, изо рта пошла кровь. После началась агония, и несчастный стих.

Началась паника: люди кричали, звонили в скорую, вызывали полицию. Иринка поняла: случилось что-то ужасное. Она бросилась к Макс.у и с плачем прижалась к нему: «Макс!.. Макс!..»

Невидимая человеческому глазу чёрная воронка рассеялась в воздухе за секунду до её появления. Серафима поняла, что её обманули. Шет ничего не намеревался менять в прошлом! Он лишь заманил её туда, это была лишь уловка, отвлекающий фактор. Главное действие у него было запланировано здесь. С издевательской точностью он повторил задуманное, только раньше были курсанты.

Серафима опустилась на пол и с горечью смотрела, как уводят в наручниках Максима, как он что-то ободряющее кричит своей девушке, как та цепляется за него, а полицейские грубо отгаскивают её. И как потом она плачет у колонны, держась за сердце.

* * *

Макс ходил по камере, точно рысь в клетке. Вчера приходили мать с отцом. Сказали, что от Ирины вестей нет и, будут ли делать повторную операцию, неизвестно. Её родители не захотели с ними встречаться. «Ну, надо их понять...»

– Макс, крепись, – отец ободряюще улыбнулся через стекло. – Адвокат делает всё возможное, главное, чтобы Иришка выкарабкалась.

Ночью, когда его забрали, Жукову увезла скорая. Сердце... Оно всегда было у неё слабое. Тогда, в седьмом классе, это был не обморок. Тогда первый раз оно заявило о себе. Теперь оставалось только ждать. «Как же мучительно тянется время!»

После лязга двери голос охраны:

– Зорин! На выход!

Идя по коридору к месту свидания, Макс торопился: «Кто его вызывает? Снова пришёл адвокат или?..»

За стеклом – незнакомый мужчина, очень похожий на Ирениного отца, черты лица те же.

Максим обрадовался:

– Вы отец Иры?

Тот даже не сел. Подойдя к стеклу, взял трубку.

Максим приготовился слушать, но отец Иры пристально смотрел ему в глаза и молчал.

Наконец медленно произнёс:

– Сегодня ночью моей девочки не стало. Я не знаю, как ты будешь жить с этим...

Затем он показал охраннику маленький свёрток.

– Передайте этому, – сказал он, кивнув охраннику на Макса, и вышел.

В голове Максима наступила звенящая тишина, охранник что-то говорил ему, указывая на дверь. Макс видел только шевеление губ. Ему что-то сунули в руки, куда-то повели.

Очнулся он уже в камере, когда дверь за ним закрылась. Всё плыло перед глазами. Что-то выпало из руки, Макс подобрал. В пакете он нашёл две записки и ещё что-то в белом конверте. Первая записка была от отца: «Ирины больше нет, мужайся, сын...» Вторая записка была от неё: «Я тебя очень люблю! И буду любить всегда! Твоя Ира». Ещё что-то оказалось кольцом, которое он надел ей на палец... И Макс, опустившись на колени, закричал. Протест, боль и отчаянье сошлись в этом душераздирающем крике. Потом он упал на холодный каменный пол и отключился.

Очнулся он от холода, перешёл на кровать и укрылся одеялом. Макс обхватил голову руками, но это не спасало от мыслей. «Её больше нет... Как это странно звучит... Был человек, и нет человека. А мир стоит, не перевернулся. Всё как всегда... Только её больше нет!..»

Внутри была пустота... Каменная плита, образовавшаяся внутри, давила так, что стало трудно дышать. Когда он вынул из конверта кольцо, вдруг осознал: надежды никакой, никогда больше он не увидит её! И что-то оборвалось, что-то сломалось внутри...

Серафима, ощущая всю горечь и боль, подошла и села рядом. Он не видел ни её слёз, ни её саму. Но ему стало легче, и он заплакал.

«Хорошо. Очень хорошо, Макс. Не нужно стыдиться слёз. Они не делают нас слабыми. Они показывают только одно: что у нас живая любящая душа».

Затем она решительно встала. «Ещё не всё потеряно!» Камеру озарило невероятное сияние, с громким хлопком раскрылись крылья за спиной, и она исчезла. Мощный скачок напряжения вывел из строя все видеорежимы слежения в изоляторе, сработала система оповещения, объявили тревогу, забегали сотрудники СИЗО. И только один Зорин крепко спал, убаюканный светлым ангелом.

* * *

Здесь, наверху, царила атмосфера любви и покоя. Самая что ни на есть благодать! И эйфория захлестнула её. Серафима чувствовала необычайный подъём и упоение: силы всё прибывали. Мир людей с их горестями и страданиями остался далеко внизу – вот он, долгожданный отдых! «Почему я не могу всегда находиться здесь?» Но счастливое головокружение разом прошло, когда Серафима вспомнила, зачем она здесь.

Говорят, только ангелы с самой чистой душой могут узреть того, кого Господь наделил властью над временем. Имя его неизвестно. Видевшие его прозвали Небесным Стрелочником, а кто-то – Распорядителем. Дорогу к нему никто не знал, он всегда появлялся сам, если ищущий вызывал у него любопытство.

Серафима понимала: шансы её были невелики. Тем не менее она сложила крылья, закрыла глаза и стала мысленно рассказывать, что произошло в последней схватке с Шетом и чего она хочет.

– Меня забавляет твоё отчаяние и участие в жизни этого человека, – вдруг услышала она чей-то вкрадчивый голос.

Серафима открыла глаза. Как она оказалась на новом месте, если сидела не шевелясь?

– Чему ты удивляешься?! Кто сказал, что ты должна знать, как устроен мир?

Прямо перед ней была высокая фигура в белом балахоне. Лица незнакомца она не видела: оно было закрыто капюшоном до подбородка. Вокруг была темнота и пустота, яркий луч откуда-то сверху заканчивался внизу островком света. В этом островке и сидел Он.

– И ты горишь желанием вернуть события, чтобы всё исправить? Я тебя правильно понял? – спросил Он. – Зачем это тебе, ангелу? Люди должны страдать, они для этого и приходят на землю: испустить свои грехи.

Серафима вспомнила пустые глаза Максима. Ему даже не дали с ней попрощаться...

– Должны страдать, – согласилась она. – Но не так! Ничто не может сравниться с душевной мукой. Я ощущаю эту боль! У него седые глаза и душа, растерзанная в клочья. Это уже не жизнь, это – агония!

После её слов воцарилось молчание. Серафиме показалось, что оно длилось бесконечно долго. Наконец Небесный Стрелочник заговорил.

– Я могу предложить тебе вариант, но вряд ли тебя он устроит.

– Я согласна, – не задумываясь, воскликнула она.

– Дурочка, выслушай сначала! Чтобы вернуть прошлое, нужна огромная энергия. У меня её нет, я ведь только направляю. Регулировщик, чтоб тебе было понятнее. Такая энергия есть у ангелов и у демонов, и заключена она в их крыльях. Ты знаешь об этом?

– Знаю.

– Лишаясь крыльев, ангел теряет силу и мощь, – напомнил Стрелочник.

Серафима зажмурилась, накатила жаркая волна, дыхание её сбилось.

– Кажется, я поняла... – тихо сказала она. – Одного... будет достаточно?

* * *

– Самый уютный столик в нашем кафе, – улыбнулся невысокий мужчина, подводя Макса и Ирину к столику для двоих. – Присаживайтесь. Скоро подойдёт ваш официант. Может, вина? Макс кивнул.

– Красного сухого, пожалуйста, – и сразу повернулся к девушке: – Тебе же можно красное?

– Можно, – рассмеялась Иринка. – Макс, а что мы празднуем? Диплом мой вроде вчера обмывали... Ты смотри, женщины быстро спиваются!

– Моя жена не сопьётся, я не позволю, – вдруг сказал Зорин и поднёс к губам её ладонь. – Иринка, выходи за меня замуж!

Она распахнула глаза и от неожиданности приоткрыла рот.

– Спокойно дышим, не волнуемся, перевариваем... осознаём... даём ответ, – приводил девушку в чувство улыбающийся Макс.

– Ты... ты делаешь мне предложение? – уточнила ошалелая от счастья Иринка.

Вместо ответа Макс вынул из кармана бархатную коробочку.

– Надеюсь, с размером угадал.

Макс открыл коробочку и достал кольцо.

– Ирка, скорее соглашайся: мне не терпится надеть его тебе на палец!

– Да! Да! Да! – воскликнула растроганная Иринка, а потом прошептала: – Я давно уже твоя...

– Ну, я, в принципе, так и предполагал, – подмигнул Зорин. – Но всё равно приятно.

Потом он нежно поцеловал её ладонь.

– Вру, конечно. Боялся до жути твоего отказа... Ирка! Звучит-то как: моя невеста!

Вдруг кто-то подошёл сзади, и перед её лицом возник шикарный букет из красных роз.

– А это сюрприз! – известил Зорин. – Илья с Алёнкой пришли нас поздравить.
– Спасибо!

Ирина уже целовала в щёку друга Макса и его жену.

– А если бы я отказала? – хитро прищурилась Жукова.

– Ну, тогда бы мы... Тогда бы мы просто поужинали и приятно провели время. А вообще, поздравляем вас, ребята, – ответил за обоих Илья. – Оставляем вас одних. Если вина не хватит, мы рядом, через два столика.

Но посидеть вдвоём им не удалось. К их столику направлялись уже новые гости, и в этот раз гостям были не рады.

– Макс, давай уйдём, – дрожащим голосом попросила Ирина. – Это же Ильиных, Газизов и Самсонов.

– Спокойно, Ирин, не волнуйся.

– Макс, у меня предчувствие нехорошее...

И тут Серафима увидела знакомое чёрное облако. «Так вот ты в какой момент здесь появился!» Шет не улизнул, как обычно.

«Он что, уже почувствовал, что я в два раза слабее? – пребывала она в недоумении. – Или я ему не видна?»

Демон взялся за троицу, которая до этого благодушно расслаблялась за своим столиком. Сейчас ситуация накалялась.

– Какие-то проблемы, мужики? – ошетинился Зорин.

– Ты чё, клоун, – зло зашипел Ильиных. – Осмелел, чё ли? Забыл, как мы с пацанами поучили тебя, ботана?

Больше Серафима ждать не могла.

– Геныч, ты чего завёлся?! – осадил дружка Роман Газизов. – Ты бы ещё детские разборки с первого класса вспомнил. Вон Самсон тогда тебе пеналом нос расквасил, давай наедем на него за это!

И Виктор с Романом рассмеялись.

– А история та... – продолжил Газизов. – Да идиотами мы тогда были! И ты, Макс, не держи на нас зла.

– И правда, Ген, пошли за столик! Зачем хорошим людям мешать?! – уже уводил Виктор за руку подвыпившего товарища. – Хорошего вечера.

– Спасибо, ребята, – отозвалась Ирина.

Серафима видела, что демон в полном замешательстве.

– Я же тебе говорила, чтобы ты не приближался к этим людям! Говорила?

И она ударила по нему. Вспышка была ослепительной. Она прошла насквозь и обездвижила Шета. Демон пребывал в панике. Следующая ударная волна смела его. И Серафиме было наплевать, что она израсходовала почти всю энергию и придётся восстанавливаться, что в кафе вырубилось всё электричество – ничего, завтра починят, а со свечами даже романтичнее...

– О! Ириш, твои любимые свечи! Сегодня всё – для тебя! – придвинулся поближе и обнял любимую Макс.

– Да уж, – умилилась девушка. – Вечер полон неожиданностей.

– Ещё одну осилишь?

– Макс, ты меня пугаешь...

– Не пугайся, – приободрил девушку Зорин. – Это приятная неожиданность – наш будущий дом...

Серафима устало улыбнулась: «Всё, что могла, я для вас сделала. Дальше, я думаю, вы и без меня справитесь!» На душе было спокойно и светло, и она ни о чём не жалела.

* * *

Отношения их вспыхнули, как сухая трава под увеличительным стеклом в солнечный день. Заявление на Кирилла она писать отказалась. Навестила в больницу Илью Белова, убедила его, что внезапная вспышка у полковника Мезенова – всего лишь отголосок старой контузии. Заявления от потерпевшего Белова тоже не последовало.

– Ну и заступников у вас! – удивлялся следователь. – Сослуживцы ваши всех в ружьё подняли. Опять же девушка эта...

– Какая девушка? – не понял подследственный.

– Так свидетельница ваша, Крылова Анастасия. Прямо одна команда с адвокатом. Завидую я вам: не у каждого такая поддержка. Знать, человек вы хороший.

– Настя?! – изумился полковник.

Мурыжили Кирилла месяц. В день, когда его выпустили, он зашёл к Насте домой с букетом цветов и подарком для дочки. А через неделю перевёз их к себе. Теперь каждый раз, засыпая рядом с ней, он благодарил Небо за этот зеленоглазый подарок судьбы.

Поначалу Кирилл и Настя боялись: как примет Мезенова Люся. Но девочка сразу повисла на Кирилле:

– Папа! Папочка! Мне мама Рита рассказывала про тебя! Что ты военный и у тебя суперсекретное задание. Что как только ты выполнишь его, ты вернёшься к нам. Ты уже выполнил своё задание?

У Насти выступили слёзы на глазах. Полковник проглотил комок, внезапно образовавшийся в горле, и обнял ребёнка.

– Выполнил, дочка. Теперь я всегда буду с тобой и тётей Настей.

– А ты женишься на ней? – спросила Люська и посмотрела на него пронзительными сероголубыми глазами. – Она хорошая, и ещё она вкусные блинчики печёт.

Кирилл рассмеялся:

– Ну, если она вкусные блинчики печёт, то придётся жениться. Если она, конечно, не против.

Девочка прильнула к самому уху мужчины.

– Не волнуйся, папочка, я её уговорю, – прошептала она и, довольная, убежала играть.

Как только девочка исчезла, Настя отвела в сторону глаза и закусила губу. Заметив это, Кирилл подошёл и обнял её за плечи.

– Ну ты чего?

– Неловко мне, Кирилл. Свалились мы с Люськой на твою голову...

Он тронул губами её макушку:

– Да я просто счастлив, что вы у меня появились! И по правде говоря, это я на твою голову свалился.

Настя вдруг подумала, что если бы она была кошкой, то сейчас непременно бы замурчала, до того ей было уютно и покойно.

– Придётся тебе, Крылова, за меня замуж выйти, – безапелляционно заявил Кирилл. – Во-первых, я тебя соблазнил и, как честный офицер, пусть даже офицер запаса, просто обязан на тебе жениться. Во-вторых, ребёнку обещал, а это святое! А в-третьих, что тебе говорить, ты и сама всё чувствуешь.

Сердце сильно забило, голова пошла кругом. Ей захотелось кричать и плакать от нечаянной радости.

– И ты, Мезенов, нисколько не сомневаешься, что я скажу «да»?!

– Нисколько! – самоуверенно заявил Кирилл.

– И правильно делаешь!

Растрогавшись, она обвила руками его талию и спряталась на его груди, чтобы он не видел её счастливых слёз. Но он повернул Настино лицо к себе, с улыбкой посмотрел на неё и, наклонившись, нежно поцеловал.

Следующим шагом был разговор с матерью Анастасии.

– Кирюш, может, не надо, а?! Просто у нас с мамой очень натянутые отношения, – заупрямилась будущая невеста перед дверью в подъезд.

– Душа моя, я с противником договаривался, – хмыкнул Кирилл. – Что я, с будущей тещей общий язык не найду?!

Лидия Гавриловна визиту дочери удивилась, но за порог пустила. То, что её дочь выходит замуж, повергло её в приятное изумление.

– Ну наконец-то! А Люську куда?

– А Людмилу я удочерю, – отрезал Кирилл. – И это не обсуждается.

– Дело ваше, – поджала губы будущая теща и ковырнула ложечкой кусок торта.

Подперев щеку, Настя смотрела на полковника влюблённым взглядом.

– Где же вы познакомились? – спросила Лидия Гавриловна, прихлёбывая чай.

– В парке, – пожалала плечами Настя.

– В парке?! – брови Настинной матери поползли вверх. – И что делал Кирилл Валерьевич в парке?

– Он... Он уток кормил!

Кирилл поперхнулся, но тут же закивал головой.

Свадьба была непышная и нешумная. Настя вообще хотела расписаться по-тихому, но Мезенов настоял на красивом торжестве для неё и для Люски. День они гуляли в кафе, потом, оставив дочку со своей матерью, Кирилл увёз новобрачную на неделю в охотничий домик у озера.

Это была просто сказка! И листопад, разноцветье листьев, дрожащих на воде. Тихий плеск рыбы совсем рядом с лодкой, огромное звёздное небо над головой. Гудение огня в печи и тени на стене от их сплетённых тел...

* * *

Сегодня ночью они сломали кровать. В самый ответственный момент она не выдержала, матрас накренился, и они скатились к батарее. Настя сначала ничего не поняла, а затем стала хохотать.

– Тише, ребёнка разбудишь! – цыкнул на жену Кирилл, сам едва сдерживая смех. – Вот подушка, смейся в неё.

Он встал, чтобы оценить размеры катастрофы. Настя тоже поднялась и теперь стояла рядом, замотанная в одеяло, словно в кокон.

– М-да... Где ты её купила? В «Икее»?

– Ага. Но похоже, шведы не учли потенциал российских мужчин... – задумчиво произнесла она, прижавшись щекой к плечу мужа. – Что делать собираешься?

– Завтра инструмент достану, почию. Сейчас не буду: утром рано вставать – тебе в редакцию, а мне на работу к восьми.

– Ой, а как же мы спать будем? – жалобно протянула Настя.

– Придумаем что-нибудь.

Кирилл подошёл к книжному шкафу, достал стопку книг и нырнул под кровать. То же самое он проделал со второй стопкой.

– Надеюсь, классики нас простят, – подмигнул Кирилл.

– Книги всегда были опорой человечества, – с иронией согласилась она.

Через пять минут всё было готово.

– Можете залезать, леди!

Настя осторожно прилегла подальше от аварийного края и, расположившись уютно на плече Кирилла, прошептала:

– Доброй ночи, мой герой.

Глаза её уже слипались, она почти провалилась в сон, как вдруг почувствовала, как жаркие губы нежно касаются её шеи и опускаются всё ниже...

- Отставить, товарищ полковник! – сквозь сон пробормотала она. – Лежите смирно.
- С тобой невозможно лежать смирно, – пожаловался Кирилл. – У тебя ж тело как улика!..
- Тренируйте волю, Кирилл Валерьевич! Или вас в вашем спецназе не учили?
- Учили, – вздохнул тот и повернулся к жене спиной.

Ближе к утру Настя проснулась. Сильно хотелось пить. Она осторожно убрала руку мужа, вылезла из постели и отправилась на кухню. По дороге, заметив свет из детской, она толкнула дверь и вошла. Девочка сидела на кровати и задумчиво теревала ухо медведя, подаренного ещё мамой, – её главного «поверенного». Настя села рядом с дочкой и обняла её.

- Что не спишь, котёнок?
- Не хочется.

Глаза её, обычно живые и весёлые, сейчас были грустными и потерянными.

– Настя, а ты знала моего родного папу? – вдруг спросила она. – Папа Кирилл ведь мне не родной. Ребята в классе знают, что вы меня удочерили.

«Кому это надо?! Какая тварь разболтала? – поморщилась Настя. – У нас же у всех одна фамилия! И в свидетельстве о рождении чёрным по белому теперь написано: Людмила Кирилловна Мезенова».

Как и обещал Кирилл, девочку он удочерил. Единственное, Люськой её больше не называли.

– Доча, а ну иди сюда, – как-то позвал её Кирилл. – Ты и сама у меня красавица, и имя у тебя красивое – Людмила! Давай мы имя Люся оставим пуделькам и болонкам. А тебя будем звать Людой, Людмилой или Милой. Идёт?

- Идёт! – тут же согласилась девчушка.
- Ну а дома буду звать тебя как прежде – зайкой. Согласна?
- А мама Настя меня котиком зовёт, – доверительно поделилась она секретом.
- То мама, а то я! – важно произнёс Кирилл. – Или ты на зайку не согласна?
- Согласна! – обрадовалась «зайка» и залезла к отцу на колени.

Настя взяла маленькую детскую ладошку в свою.

– Я не буду тебе врать, Мила, я не знаю точно, кто твой отец, – призналась она. – Когда я училась в Москве с твоей мамой, я знала нескольких мужчин, которым очень нравилась мама Рита. Она была красивая, добрая и скромная. Кто из них твой отец, она мне не сказала. Ведь у каждой девочки есть тайны.

- И у тебя? – изумился ребёнок.
- И у меня, – рассмеялась Настя. – А зачем тебе знать про отца? Тебя что-то тревожит? Людмила не по-детски вздохнула.

– Было бы интересно на него посмотреть, поговорить. И ещё... ребята сказали, что, когда у вас появятся свои дети – у вас же всё равно кто-нибудь когда-нибудь родится, – я вам буду не нужна.

Настя задохнулась от возмущения:

– Дураки ваши ребята! Кто так говорит, тот глуп и жизни не знает! Людмила, а давай твоего медведя выбросим: он же старый! Вон мы с папой сколько новых красивых игрушек тебе надарили.

Девочка округлила глаза и вцепилась в своего медвежонка, крепко прижав его к груди.

– Ты чего?! – с обидой воскликнула она. – Он же родной!

– Вот и ты для нас родная, как этот медвежонок! – взволнованно произнесла Настя и, посадив на колени, прижала дочь к себе. – Дурашка ты бессонная! Давай-ка лучше будем спать.

Успокоенная девочка облегчённо вздохнула и забралась под одеяло, положив медведя рядом на подушку.

– Сладких снов вам с Мишуткой!
Настя погасила свет и прошла на кухню.

* * *

На следующий день, сказав в редакции, что поехала за материалом, Анастасия Сергеевна Мезенова заглянула в школу. Поговорив с классным руководителем второго «В» класса, она была абсолютно уверена: гнильцо не отсюда – педагог ничего не знал.

«Значит, информацию добыли и растрепали ушлые и дотошные мамашки, – размышляла она. – Кому дорогу перешла моя тихая девочка? Или им, разведёнкам, завидно, что нам с дочерью повезло? Не понимаю...»

После она разыскала школьного психолога и доверительно побеседовала с ней. Женщина обещала помочь. Выйдя из школы, Настя внезапно почувствовала слабость и села на лавочку, чтобы прийти в себя. Её замутило ещё там, у кабинета.

«Бедные дети, и как они учатся здесь по полдня?! Та ещё атмосферка в этих учреждениях!»

Она просидела уже минут двадцать – слабость не проходила.

«Вот нормально бы позавтракала, не было бы сейчас полубморочного состояния, – ругала она саму себя. – Ребёнка заставляешь, а сама!..»

По утрам Настя не могла себя заставить съесть кашу или омлет: организм ещё спал и напрочь отказывался принимать пищу. Соглашался только на йогурт и кофе с тостом и ломтиком сыра.

Мезенова заставила себя встать и медленно побрела со школьного двора. На остановке было много народу.

«Хорошо, значит, автобус скоро придёт!» – подумала она.

Вдруг перед глазами замелькали мошки, стали расплываться круги, ноги сделались ватными, и Настя начала оседать.

Очнулась она от резкого запаха. Перед глазами маячило лицо врача.

– Чего это ты, голубушка, народ пугать вздумала, а? Давай-ка прокатимся до больнички.

– Нет, меня в редакции ждут, – возразила она и поднялась.

И тут же вновь осела.

– Понятно, – улыбнулся врач. – Всё-таки прокатимся.

Больную осмотрели, сделали анализы, положили под капельницу. Она даже немного вздремнула. Потом медсестра принесла и положила врачу на стол готовые результаты.

Настя смотрела на результат своего анализа, на заключение врача и хлопала глазами, всё ещё не веря: она беременна...

Целый год они с Кириллом пытались, чтобы на свет появился малыш, надеялись – всё без толку. Полковник замечал, как его женщина смотрит на малышню во дворе, украдкой заглядывает в коляски молодых мамочек, попадающихся навстречу. А после прячет глаза.

Как-то она застала его на кухне курящим в форточку.

– Кирилл, ты же вроде бросил?! – изумлённая, она так и осталась стоять в дверях.

Мезенов бросил окурочок, подошёл, взял жену за руку и посадил напротив.

– Я хочу поговорить с тобой, – начал он, и Настя почувствовала, как ему тяжело. – И пожалуйста, не перебивай.

– Хорошо.

– Говорю как есть. Я, конечно, схожу к врачу и обследуюсь, но у меня есть стойкое подозрение, что после того количества лекарств, которым напичкали меня в госпиталях, я не смогу иметь детей. С Ритой за три года так и не получилось. Это одна из причин, почему мы расстались, и я её не осуждаю.

Настя поняла, куда Кирилл клонит.

– Так что, если надумаешь, развод я тебе дам: не хочу тебя лишать радости полноценного материнства... Единственное, мне трудно будет смириться с ложью и изменой. Поэтому постарайся...

Он не договорил, потому как она резко встала, опрокинув стул. Внутри неё словно проснулся вулкан.

– Молодец! Всё за всех решил! И за себя, и за меня, и за Бога: будут ли у нас дети и когда. У нас уже дочь есть! Вроде пронцательный мужик, ты что, так до сих пор и не понял, что я тебя люблю?! Во дурак!

Рассерженная, она хлопнула дверью, оделась и выбежала из квартиры. Кирилл нагнал её между четвёртым и третьим этажами. Как разъярённая фурия, в истерике она отбивалась руками и ногами.

– Не тронь меня! Убери свои руки! Никуда я с тобой не пойду!

Наконец, когда он, удерживая её за руки, прислонил к стене, обездвигил и закрыл рот поцелуем, она затихла. После трёх контрольных поцелуев он попробовал ослабить хватку. Буря отбушевала, повторный мятеж не намечался.

– Сильный, да? Справился? – потирала она затёкшие запястья.

Кирилл подхватил жену на руки и стал подниматься по лестнице. В квартире выяснение отношений возобновилось и быстро перетекло в спальню...

Сейчас она, ошеломлённая, ловила ртом воздух. Кириллу пока решила ничего не говорить: скажет потом, когда будет знать наверняка, что выносит. После ночного разговора с дочкой Настя понимала, что не следует радостную новость вываливать ей на голову: ребёнка тоже надо подготовить.

* * *

– Ты что сияешь, как медный таз? – спросил Кирилл, глядя на довольную жену. – Есть повод?

– Есть! Представляешь, у Люды нашёлся родной отец!

Настя положила свежесглаженное бельё в шкаф и достала следующую кипу.

– Вот как? – удивился полковник. – И кто же он?

– Игорь Пименов. Когда Рита на четвёртом курсе училась, он на пятом был. Вроде у них в то время роман приключился. Ритка скрытная была, мало что подругам рассказывала... Но он уверяет, что Люда его дочь.

– А не поздновато объявился? – с усмешкой произнёс Кирилл.

– Так он говорит, не знал: Сошникова от него скрыла, что ждёт ребёнка.

Мезенов заложил руки за голову и задумался.

– Странно всё это, – рассуждал он вслух. – Что послужило толчком, чтобы он начал искать дочь?

– Кирилл! Да всё что угодно! Узнал про смерть Риты, узнал, что у неё был ребёнок, решил найти...

– Солнце моё, ты рассуждаешь как женщина. У мужчин, поверь мне, голова совсем по-другому работает. Мы начинаем действовать, когда нас что-то не устраивает. Прежде чем что-то начать делать, мы задаём себе вопрос: а зачем мне это? Вот я и думаю.

Настя отставила утюг и, подойдя к мужу, села рядом на подлокотник кресла.

– Радоваться надо, что ребёнок увидит отца. Что плохого, если она поговорит с ним?! Тебя она любить не перестанет. Ты у неё свет в окошке. Равно как и у меня.

Кирилл со смехом стащил её к себе на колени.

– Вот же лиса! Когда нет аргументов, в ход идёт женское обаяние, – легонько щёлкнул он жену по носу. – Почему ты так уверена, что этот Игорь не самозванец?

Настя вылезла из кресла и вернулась к утюгу и белью.

– Понимаешь, он сам настоял на экспертизе на отцовство. Завтра результат будет готов.

– И ты возила дочь в клинику?! – возмутился Мезенов.

– Нет, конечно. Два волоска с подушки взяла и отвезла.

Игорь Пименов появился в редакции неожиданно, без звонка и предупреждения. Настя с удивлением смотрела на московского гостя.

– Привет, какими судьбами к нам?

Он был в костюме и галстук, гладко выбрит, высокий. Немного постарел – в шевелюре уже серебрились седые волоски, но не растолстел, не обрюзг, хотя и набрал пару-тройку килограммов.

– А ты, Крылова, всё хорошеешь! – отвесил он дежурный комплимент.

– Спасибо, Игорь, только я теперь Мезенова. Крылова – это мой теперешний псевдоним: оставила для прессы. Прости, у меня мало времени. Так что тебя привело в наши края?

– Я хочу поговорить с тобой о Рите и моей дочери.

Разговор получился недолгим, да и что он нового мог ей рассказать? Но Игорь упорно твердил, что Людмила – его родная дочь.

– Я хочу увидеться с ней.

– Зачем?! У Люды есть отец: мой муж удочерил её. И ещё, прости конечно, я журналист и привыкла доверять только фактам.

– Я тут узнал, что в вашем городе тест на отцовство делают в двух клиниках: «Возрождение» и «Вита-Мед», – проинформировал он. – Выбирай любую. Привези волос девочки. Чтобы ты не сомневалась, при тебе у меня возьмут мазок, и всё!

– Хорошо, – поразмыслив, согласилась Настя. – «Возрождение» ближе, завтра к восьми буду.

Результат экспертизы Настя молча положила перед Кириллом. Отцовство – девяносто девять и девять десятых процентов. Пименов не соврал. Полковник вернул документ и что-то записал в ежедневнике.

– Дай мне его телефон, я сам с ним поговорю, – попросил он. – Для начала я хочу взглянуть на папашу.

– Кирилл, ты чего?! – не верила своим ушам Настя. – Мне кажется или ты завёлся?

– Обещай мне, что в ситуации с Людмилой ничего не будешь делать без моего ведома. И вообще, общение с Игорем Пименовым теперь только через меня.

– Ты мне не доверяешь?! – с обидой произнесла Настя. – Ты считаешь меня дурой?! Ну, дорогой, я от тебя этого не ожидала!

* * *

Его интуиция ещё ни разу его не подводила. Полковник запаса Мезенов Кирилл привык доверять ей и во всех непонятных ситуациях прислушиваться к себе. Поэтому ему было крайне важно вживую увидеть новоявленного папашу. Он сам позвонил Пименову, представился и предложил встретиться в одном из ресторанов.

Сам Кирилл решил спрятаться за маской недалёкого отставного простачка-военного. Он даже надел чью-то старую военную форму, удивив жену.

– Это что за маскарад?! – засмеялась она. – Где ты её откопал? И куда подевался мой элегантный муж?!

– Так надо, – убедительно произнёс полковник. – И вообще, разговор веду я. Ты обворожительно улыбаешься, молчишь и нюхаешь прекрасные розы.

– Какие розы?! – не поняла Настя.

– Которые тебе знакомый твой приволок. Это ведь он? – кивнул Мезенов на вошедшего в зал мужчину, который озирался вокруг.

– Игорь, мы здесь! – позвала Настя и махнула ему рукой.

С этой минуты взгляд полковника цепко приклеился к пришедшему, подмечая каждую мелочь. К их столику приближался тридцатилетний мужчина с букетом роз. Одет он был в

строгий деловой костюм с претензией на роскошь. Однако было видно, что мужчине было некомфортно – походка его была неестественной, костюм явно сковывал его. Отсюда Кирилл сделал вывод: гость не привык носить деловой костюм или надевает его по особому случаю и крайне редко.

Внимательный взгляд полковника подметил ещё одну деталь: обувь! Костюм выглядел дорогим и презентабельным, а ботинки были самые обычные, подходящие к костюму разве что по цвету.

– День добрый! Настюша, это тебе! – поприветствовал гость чету Мезеновых и подарил букет. – Я Игорь Пименов.

Полковник подал руку, представляясь:

– Муж Насти, Мезенов Кирилл Валерьевич, полковник запаса.

Игорь присел за столик, прищёлкнул пальцами, подзывая официанта. Тот подошёл и разложил меню.

– Рад приветствовать наших гостей! Пока вы выбираете, может, вина?

– Ну, если только даме. Я за рулём, – пафосно объявил Игорь и, демонстративно покрутив ключами от «ауди», положил их на столик.

– Спасибо, вина не нужно. Принесите два кофе, пожалуйста. Чёрный без сахара и латте, – попросил Кирилл.

Образ отставного простачка-военного сыграл свою роль – уже через три минуты Пименов, ощутив своё превосходство, расслабился и покровительственно выдал:

– Да ладно, полковник, не стесняйтесь, я угощаю.

И улыбнулся, показав скол на переднем зубе.

«Ездить на крутой тачке и экономить на стоматологе? Ну-ну», – отметил про себя Мезенов.

Сделав пару комплиментов по поводу деловых качеств гостя, он с лёгкостью развёл Пименова на браваду. И сейчас тот с жаром рассказывал, что после журфака удачно провернул два проекта и сейчас уважаем в определённых кругах и успешен.

Ключи от «ауди», специально выложенные на ресторанном столике, должны были, по всей видимости, подтвердить его состоятельность. По его словам, он, Игорь Пименов, являлся владельцем крупной фирмы с кучей иностранных партнёров.

Чем больше полковник смотрел на Игоря Пименова, тем более этот человек не нравился ему. В нём не было ни целостности, ни внутренней силы, которая всегда угадывается у руководителей. Вместо этого пустота, показуха и блеф.

Несколько раз полковнику приходилось разговаривать с истинно богатыми людьми. Они держались очень скромно, никогда не говорили о себе и своих успехах – больше интересовались собеседником. Вся эта бравада: и разговоры, и цветы Насте – должна была произвести впечатление и составить лестное мнение о нём.

Он уже рассказал о своих многочисленных путешествиях, теперь же затронул историю своей любви к Рите. По сему Кирилл смекнул, что Пименов решил, что уже достаточно впечатлил его, недалёкого и легковёрного, и принялся «обрабатывать» жену. И его удручало, что Настя всё принимает за чистую монету и ничто не настораживает её. «Нежели ты не видишь его сути, чуткий ты мой человечек?!» Знал он и причину: внутренняя чистота и порядочность жены не позволяли ей изначально думать о человеке плохо, тем более подозревать его. Она смотрела на мир и людей через призму доверия.

Пора было переводить разговор на главную тему, да и вся эта мишура полковнику порядком надоела.

– А могу я узнать, какие у вас планы на дочь? – осведомился Кирилл.

– Ну, сначала я бы хотел с ней увидеться, познакомиться, – ответил тот.

– А дальше?

– Дальше? Она бы приезжала в гости, мы бы вместе проводили отпуск. Ну и, если девочка захочет, мы могли бы жить одной семьёй, – поделился планами папаша.

– Но у неё уже есть семья! – не выдержав, встряла в разговор Настя. – Мила любит и меня, и Кирилла. Разумеется, я очень буду рада, что Мила узнает, кто её отец.

Пименов почесал кончик носа и поправил галстук.

– Я, безусловно, очень вам благодарен. И органы опеки сделали в той ситуации всё правильно, их не за что винить: они не знали, что у девочки есть родной отец, а я не знал, что у меня есть дочь, – многозначительно улыбнулся Игорь. – Но сейчас ситуация изменилась...

Настя с тревогой посмотрела на мужа. Но тот выслушал планы Пименова с невозмутимым спокойствием.

– Тем более, Настя, тебе скоро будет не до неё, – понизил голос Игорь, потом продолжил: – Тебя ждут приятные хлопоты. Я прав?!

Она распахнула глаза. «Я же никому не говорила!» Кирилл медленно перевёл недоумённый взгляд на Настю. Она же закусила губу и опустила глаза.

– Я вас понял, Игорь. Давайте сделаем так: я поговорю с детским психологом, как лучше сказать девочке об отце, чтобы не травмировать детскую психику. После свяжусь с вами. Вы согласны?

– Да, это разумно. Я буду ждать вашего звонка.

Чтобы на разрушить легенду, Кирилл позволил московскому гостю оплатить счёт, хотя ему было неприятно. В машине Кирилл молчал до самого дома. Настя украдкой бросала на него взгляды, не зная, что и думать.

Как только закрылась за ними дверь, он тут же взял её за руку и посадил в кресло.

– Что имел Пименов в виду, говоря о приятных хлопотах, Настя?

– Да я и сама не поняла, – попыталась увильнуть она от ответа.

– Малыш, ты не умеешь врать, – усмехнулся Кирилл. – Ну, я жду...

Инстинктивно рука её сама опустилась на живот.

– У нас будет маленький, – тихо призналась она и посмотрела мужу в глаза, ожидая его реакции.

Взгляд его стал меняться от настороженного до ликующе-восторженного.

– Настя, это что же получается?.. – от волнения, казалось, он забыл все слова.

– Получается, что в начале августа ты будешь отцом, – покраснев, улыбнулась Настя и с гордостью добавила: – Нам уже шесть недель!

Кирилл осторожно достал жену из кресла и бережно прижал к себе.

– Рехнуться можно! Маленькая моя! Я на руках тебя носить буду, пылинки сдувать! Я две недели голову ломал: почему моя жена меня избегает?! Мысли разные в голову лезли. А вон оно, чудо какое, оказывается!

В подтверждение своих слов он взял её на руки, немного поносил по комнате и аккуратно опустил обратно в кресло, усевшись на пол рядом.

– Почему ты мне ничего не сказала?

– Период опасный, не хотела тебя обнадеживать, – призналась она. – Обрадовала бы чуть позже, если б не этот...

– Он-то как узнал?

– Да случайно встретились с ним у женской консультации. Я на учёт вставать ходила, он с каким-то мужиком мимо шёл.

– Давай ты уволишься с работы! – тут же предложил Кирилл.

– Кир, ну ты чего?! – погладила она мужа по щеке. – Я ж не больная! Да и помру я дома с тоски. Я очень осторожничаю, правда-правда! Ты лучше мне скажи, когда Людмилке про отца скажем?

Кирилл сразу поменялся в лице.

- Душа моя, это сейчас мои заботы. Пока дочке ничего говорить не надо.
- Тогда и то, что я ребёнка жду, для всех тоже под грифом «секретно»! – предупредила

Настя.

- Ладно, шпионка, – пообещал полковник.

* * *

Ни к какому детскому психологу Мезенов, конечно, не пошёл, а позвонил своему другу.

– Черкасов! Андрей! Узнал? Узнал, чертяка. Мне помощь твоя требуется – нужна информация об одном человеке. Всё, что сможешь нарыть. Записывай: Пименов Игорь Павлович, тридцать один год, бывший журналист, живёт в Москве, гендиректор фирмы «Омега-сити», если это, конечно, правда. Ну и машинку мне его пробей. Фото машины и фото этого товарища я тебе на телефон скину.

- Ого! Кто-то нашему Мезенову дорогу перешёл? – хохотнул Андрей.

- Хуже, Черкасов! Не мне – моей жене!

– Ну что сказать, сочувствую я этому Игорю Павловичу – за жену бы и я порвал. Вот только жены нет... – вещал Андрей. – Кстати, подскажи, где такие дивчины водятся?

- Таких больше не выпускают, – поддел друга Кирилл. – Раритет!

– Вот так всегда, – шутиливо надулся Черкасов. – Как приспичит, так «Андрюшенька, помоги!», а как невесту сыскать – то шиш!

– Ладно, озабоченный, найдём мы тебе невесту. Привет ребятам! Помнят ещё боевого командира?

- Тебя, Мезенов, забудешь!

Мерцающий ночник делал детскую комнату волшебной и уютной. Дочка только уснула. Настя сидела на краешке её кровати и думала. Со вчерашнего дня её преследовала одна и та же мысль. Настя примерила ситуацию Риты на себя. В жизни бывает всякое, допустим они с Кириллом расстались. Хотела бы она, чтобы её сын или дочка знали, что Мезенов – их отец? Да конечно хотела бы! Таким отцом, как Кирилл, стоит гордиться.

Она посмотрела на спящую девочку.

«А что, Игорь – хороший человек, – вернулась она к своим мыслям. – Переживает за дочь, хочет участвовать в её воспитании. И к тому же, если Мила узнает, что у неё тоже есть отец и она не сирота, то спокойнее воспримет пополнение в семье».

Перед глазами Насти сразу поплыли радужные картинки, где Людмила после путешествия с отцом возвращается к ним счастливая, загорелая и взахлёб рассказывает о своих впечатлениях.

«Нет, всё-таки надо организовать встречу дочки с родным отцом. Пойду поговорю с Кириллом!»

Кирилл взял её за плечи и развернул к себе:

- Малыш, мы же договорились, что ты не лезешь в это дело.

– Но я женщина, я будущая мать, в конце концов! Я чувствую, что так будет правильно. Ты можешь мне сказать, почему ты против? – бунтовала Настя.

- Пока не могу.

– Кир, это не ответ! Ты мне запрещаешь, а сам не говоришь причину. Так поступают самодуры!

– Или мужья, которые до безумия любят своих жён, – спокойно сказал Кирилл и потянулся к жене.

Он хотел её обнять, но она увернулась от его рук и оцетинилась, как ёжик.

– Ты просто жуткий собственник, Мезенов! Есть такое понятие – «родная кровь»! Если хочешь знать, увидеться с отцом – желание Людмилы, и я его поддерживаю.

– Встречи пока не будет, – отрезал Кирилл. – Давай ты не будешь сомневаться в моих решениях и просто слушаешься!

Вдруг ей стало очень обидно – он не слышит и не понимает её! Она завелась. С детства всё решала за неё мать. Она сама выбирала для неё школу и кружки, не позволяла ей ночевать у подруг, отшивала ухажёров дочери, отговаривала от поступления на факультет журналистики. Настя терпела. Но когда мать не поддержала удочерение осиротевшей девочки, она взбрыкнула. И сейчас горечь из детства всплыла и подступила к горлу.

– Между прочим, я, как второй родитель, тоже имею право голоса. А слушаются пусть твои подчинённые!

Муж вдруг показался ей чужим, и ей больше не хотелось находиться рядом, Настя с вызовом встала и вышла из спальни. Вернувшись в комнату дочки, она достала второе одеяло, забралась в кровать и отвернулась к стене. По щекам её катились слёзы, это была их первая ссора... А внутренний голос шептал и успокаивал: «Молодец! Не сомневайся! Ты всё делаешь правильно. Муж тебе не указ!»

Через полчаса Кирилл заглянул в детскую. Людмила раскрылась во сне и спала в пижамке поверх одеяла, забросив одну ногу на Настю. Полковник осторожно убрал ногу, повернул дочку на правый бок и укрыл одеялом. Посмотрев на спящую жену, он вздохнул, затворил дверь и пошёл спать в спальню, которая без любимой казалась пустой и неудобной.

* * *

Утром его ждал звонок от Черкасова.

– Ну, узнал я про твоего человечка, – докладывал Андрей по порядку. – Во-первых, машина не его. Владелец машины некто Шмелёв Михаил Олегович. Очевидно, взял напрокат. У самого Пименова – «Шкода-Октавия», причём не новая. Во-вторых, он действительно учредитель компании «Омега-сити». Только вот обороты этой фирмы весьма скромные: специализируется она на реализации ликёро-водочных изделий. В-третьих, господин Пименов поигрывает в карты и имеет карточные долги. И самое любопытное, был замешан в афере с недвижимостью. Задурил девке голову, та ему квартиру чуть не отписала. Хорошо, родственники вовремя тревогу забили. В общем, какой-то он мутный, твой Пименов.

– Спасибо, Андрюха. Вот теперь у меня пазл сложился, – ухмыльнулся Мезенов.

– Даже так? – поинтересовался тот. – У твоей жены есть недвижимость?

– У жены нет, у дочери есть: ей досталась от родной матери квартира в Москве, – пояснил Кирилл. – Вот он, похоже, на неё и нацелился. И совсем не девочка ему нужна. Ещё раз спасибо, Андрюха.

– Да ладно, обращайся.

Кирилл положил трубку. Внутри него гребнем вздымалась волна отвращения и неприязни: человеческая подлость неискоренима, но она никоим образом не коснётся его светлых девочек. Он этого не допустит. Он подождал, пока волна уляжется, и позвонил Пименову.

– А, полковник! Здравия желаю, – было слышно, что у абонента хорошее настроение. – Очень ждал вашего звонка. Как ваш поход к психологу? Что он?..

– А вот я тебе здоровья не желаю, – перебил Мезенов. – А теперь слушай сюда, папаша. Про твои аферы с квартирами, карточные долги, фирму-однодневку я знаю. К Анастасии и Людмиле не приближаешься на пушечный выстрел и не звонишь. Или я тебя застрелю, как бешеную собаку. Ты меня понял? Да, машину береги! Тебе её Мише Шмелёву возвращать в целостности и сохранности.

На том конце воцарилось молчание, ответа не последовало, и полковник положил телефон. Теперь он думал о том, как предупредить Настю и не напугать её.

– Привет, жена, звоню узнать, как ты, – замер в ожидании полковник.

В последние два дня она отдалилась от него, и это было мучительно. Внешне ничего не изменилось, Настя была рядом, занималась домашними делами, кормила его и дочь вкусными завтраками, обедами и ужинами. Но Кирилл чувствовал стену отчуждения: они не обнимались,

не говорили по душам, не дурачились и не засыпали рядом. На все попытки коснуться её жена ускользала или останавливала взглядом. А общение сводилось к паре фраз о быте или о дочке.

– Нормально. Недавно виделись, за завтраком. Ты что-то хотел?

– Да. Спросить хотел: Пименов не звонил?

– Нет.

– Если позвонит, сразу набери меня. Слышишь?

– Слышу, – ровно прозвучал её голос в трубке. – Это всё? А то у меня работы много.

– Всё.

Мезенов вздохнул и отложил телефон.

«Как же тебе объяснить, маленькая моя, что твой знакомый – оборотень?!»

Игорь в ярости швырнул телефон на соседнее кресло. Всё шло так замечательно! Арсен, узнав о его планах, дал отсрочку долга на три месяца: можно было немного перевести дух. А тут кто-то слил информацию, и отличный вариант накрылся медным тазом! Пименов был вне себя. Выхода он не видел, как только позвонить Арсену и послушать, что скажет он. Трясущимися руками он набрал телефон криминального авторитета.

* * *

То, что завтра они с мамой идут после школы в зоопарк, несказанно обрадовало Людмилу: зверушек она обожала.

– Папе не говори, ладно? Пусть это будет наш маленький секрет. Мы потом ему как-нибудь скажем.

– Ладно, – кивнула дочка.

– Да, и нужно одеться потеплее: некоторые вольеры на улице.

Дочка улыбнулась и ближе придвинулась к Насте, положив белокурую головку рядом на подушку.

Она всё-таки приняла решение познакомить Милу с Игорем и, когда вчера тот позвонил, предложила встретиться на нейтральной территории.

– Только прошу, не говори ей сразу в лоб, что ты её отец. Для начала пообщайтесь. Просто подружись с ней.

Сейчас она смотрела на них, и слёзы умиления стояли в глазах. Милка – вылитый Игорь, те же черты лица, его маленькая копия. Настя представила его как своего коллегу, который привёз ей документы и согласился прогуляться с ними. Людмила то и дело тащила его за руку то к медведям, то к песцам, то смотреть крокодила.

– Дядя Игорь, а мы ещё там не были. Там белки живут. Вы хотите на белок посмотреть?

Народу в зоопарке было немного, кафе тоже было полупустое. Людмила выбрала столик с рисунками фламинго. Горячий чай и пирожные были весьма кстати: погода испортилась, накрапывал мелкий морозящий дождик и Настя с Людой немного продрогли.

– Кто тебе больше всех понравился? – спросил Игорь.

– Фсе! – ответила Мила с набитым ртом.

Настя улыбнулась и погладила дочь по волосам.

Девочка неотрывно смотрела на Пименова внимательным взглядом. Вдруг отложила пирожное и спросила:

– Скажите, дядя Игорь. Вы ведь... мой отец?

Мурашки по коже побежали у Насти от её слов.

Пименова тоже, похоже, её вопрос застал врасплох. Он посмотрел сначала на Мезенову, затем на девочку и признался:

– Да, так получилось, что я, Люда, твой родной отец.

Девочка помолчала, потом снова спросила:

– А ты маму Риту сильно любил?

– Ну да.

– Тогда почему вы жили не вместе?

– Так бывает... У взрослых всё непросто, – нашёлся Пименов.

– Да уж, – философски согласилась она. – Взрослые часто делают глупости с умным видом.

– Где ты это слышала? – захохотала Настя.

– В фильме каком-то, – пожала плечами Мила и тоже улыбнулась.

Простились они у входа в зоопарк, договорившись как-нибудь ещё погулять. По дороге домой Людмила молчала и крепко держала за руку мать.

Перед домом она вдруг остановилась и поделилась:

– Он хороший. Только я ему не нужна.

Насте оставалось только хлопать глазами.

– Почему?!

– Так... Мам, пошли домой, я уже по папе соскучилась.

* * *

Пименов чувствовал себя последним негодяем. При знакомстве с дочерью внутри него шевельнулось что-то похожее на человеческую теплоту и участие. Тест можно было и не делать: девочка была похожа на него. Нахлынули воспоминания о Сошниковой Рите, об их бурном и быстротечном романе и ссоре. Игорь был готов отступить. Звонок Арсена тут же отрезвил его.

– Ну, увидел девчонку?

– Да. Послушай, Арсен, может, по-другому как-то можно решить? – в отчаянии воскликнул он.

– Давай, предлагай, раз ты умный и совестливый такой, – подначил его хозяин казино. – Мне ведь не бабы и не дети сопливые нужны, а деньги. У тебя есть, Игорёк, деньги? Молчишь?! Поэтому пасть закрой, пока тебе помогают... А то ведь я могу и по-другому вопрос решить. Очень ты мне, Игорёк, надоел.

Пименов pokrылся холодным потом. По-другому Арсен решил вопрос с его знакомым, тоже должником, – Виктора Пономарёва нашли мёртвым дома в кресле возле телевизора. И то потому, что соседи обратились в полицию: телевизор, не умолкая, орал три дня...

– Действуем как договаривались, – пробормотал Пименов.

– Вот и умница, – похвалил Арсен. – В пятницу вывези их за город под любым предлогом. Дальше – наша забота.

После разговора с Арсеном Пименов долго не мог прийти в себя. Наконец, успокоившись, позвонил Насте, сказал, что уезжает в Москву и на прощание предложил вместе сходить в аквапарк.

– Ого, так далеко... – нерешительно протянула Мезенова. – Может, в театр или в кино?

– А Людмила была в аквапарке?

– Нет, ни разу.

– Вот и устрой ребёнку праздник, – обрадовался Пименов. – Мы с горок покатаемся, а ты в тёплом джакузи полежишь. Я вас на машине отвезу туда и обратно.

Настя подумала и согласилась. Тем более что Кирилл в пятницу утром уезжал в командировку в Питер. Она уже не сердилась на него. Всё складывалось замечательно: она исполнила мечту дочки, та спокойно, если не сказать прохладно, отнеслась к Игорю, Пименов уезжает в Москву, а её семья остаётся при ней. А то, что Кирилл не знает их маленькой тайны, так, может, оно и к лучшему.

Придя вечером с работы, полковник не позвонил в дверь, как раньше, а открыл её своим ключом. Не успел он войти, как Настя повисла у него на шее. Кирилл со вздохом облегчения обнял жену и уткнулся в пушистые волосы. Колючей ледяной стенки как не бывало, перед ним снова была нежная и горячо любящая его девочка.

Весь вечер Настя была в приподнятом настроении: аккуратно собрала и упаковала его вещи и даже пела на кухне, когда готовила ужин. Уложив Людмилу спать пораньше, она напрямик отправилась в их с мужем спальню. Жадно лаская и целуя жену, Кирилл не мог насытиться её запахом, осознавая, как же он соскучился по ней.

– Чем будете заниматься, пока я в отъезде? – спросил Кирилл, перебирая пряди её волос.

– В аквапарк её завтра свожу: давно просилась на горках покататься. Теперь, когда плавать научилась, не страшно. Да и я поплаваю – мне полезно, – мечтательно закатила Настя глаза.

– Хорошее дело, – одобрил Кирилл.

– Потом уроки будем учить, порисуем, печенье испечём. В субботу вечером у неё танцы... – перечисляла она. – Ну а в воскресенье ты приедешь.

Она посмотрела на мужа взглядом, полным обожания, взяла его руку, приблизила к своему лицу.

– А теперь спать, – Кирилл поцеловал жену в лоб. – Завтра рано вставать.

* * *

С самого утра Настя ощущала какое-то беспокойство, причём без видимой причины. Блины рвались, когда она снимала их со сковороды, она обожгла два пальца на руке, да ещё упала с полочки и разбилась её любимая фарфоровая статуэтка балерины. Настя расплакалась. Кирилл подошёл, выключил конфорку и посадил жену на колени.

– Настён, ты чего?!

– На знаю... – уткнулась она в него. – Не хочу, чтобы ты уезжал. Боюсь чего-то.

Кирилл усмехнулся:

– Что может со мной случиться?! Давай будем есть твои блинчики! Рваные даже вкуснее.

Когда муж уехал, она крикнула Людмилке, чтобы та собиралась.

– Медвежонка брать?

– Бери, если хочешь. Только Мишутка, пока ты бултыхаешься, в шкафу посидит. Он плюшевый: ему нельзя намочать.

«Вот, чёрт! – огорчилась Настя. – Забыла вчера телефон на зарядку поставить. Часа на три-четыре хватит, а то и меньше».

– Доча, телефон свой возьми, пожалуйста! – попросила она Люду перед выходом.

Игорь заехал за ними вовремя. Машина стояла во дворе. Выглядел он сегодня не очень: тёмные круги под глазами, усталое, помятое лицо.

– Привет! Ты не здоров? – участливо спросила Настя, помогая Людмиле сесть на заднее сиденье. – Если ты плохо себя чувствуешь, поездку можно отменить.

– Просто не спал сегодня, – буркнул он. – Всё нормально.

Шнура для зарядки в машине не оказалось, поэтому Настя отключила телефон и стала смотреть в окно. Последние дома остались позади, и они выехали на трассу.

Кирилл забросил сумку и портплед в багажник и сел в машину. Руки легли на руль. Но что-то было не то. Его охватило сомнение и тягостное предчувствие. Перед лицом так и стояла картинка: Настя смотрит на него грустными зелёными глазами. «Не хочу, чтобы ты уезжал. Боюсь чего-то».

– Ладно, – сказал сам себе Мезенов. – Поеду. Если не пройдёт, вернусь.

Машина стремительно пошла по трассе, но чем дальше от дома уезжал Кирилл, тем сильнее нарастало беспокойство. Тогда полковник остановился и взялся за телефон.

– Валентин, быстро собирайся. На переговоры поедешь ты. У меня не получается. Да не паникуй: в курс дела я тебя ввёл, все документы давно в Питере. Контракт подпишешь, с отличными людьми познакомишься. В общем, собирайся.

Следующий звонок был жене. Странно, но она не отвечала. Полковник набирал её снова и снова. Потом подумал и набрал телефон дочери.

- Зайка, вы где? По дороге в аквапарк? Что-то мама трубку не берёт. Вы на такси?
- Нет, нас папа Игорь везёт. А мама рядом.
- У Кирилла потемнело в глазах.
- Он выдохнул и продолжил говорить:
- Малыш, дай трубочку маме.
- Через секунду он услышал родной голос жены.
- Настя, пожалуйста, остановите машину и выходите с Людмилой. Я за вами уже еду. Где вы находитесь? Я не вижу!
- Волнение всё больше охватывало полковника. Голос, сначала спокойный, теперь уже срывался.
- У меня зарядки мало, я телефон отключила.
- Немедленно включи! – приказал он.
- Хорошо, включаю.
- Через минуту он увидел на карте маячок – местонахождение жены.
- Почему он везёт вас по старой трассе? Две недели назад новую открыли! – почти кричал он.
- Я не знаю, – призналась Настя. – Кирилл, не волнуйся ты так! Завтра Игорь уезжает в Москву. Что плохого, что мы на прощание все дружно поплаваем?!
- «На прощание», – почему-то резануло Мезенова.
- Немедленно вылезайте из машины и ждите меня на трассе!
- Лучше ты приезжай к нам в аквапарк. Правда, котёнок? – обратилась она уже к дочери и передала ей трубку. – Скажи папе, что мы его любим и ждём.
- В трубке раздался весёлый детский голосок:
- Приезжай! Пап, я очень хочу тебе показать, как я плаваю. Ты можешь вообще в воду не залезать. Вы с Мишуткой будете смотреть на меня и на маму.
- Мезенов развернул машину и набрал скорость.
- «Только не отключай телефон, родная, только не отключай!» – как заклинание шептал он.
- Кто звонил? – насторожился Игорь.
- Звонил папа Кирилл, – ответила за мать Люда.
- А правда, – спросила Настя, – почему мы едем по старой трассе? Здесь и машин-то почти нет.
- Поэтому и едем, – отмахнулся Пименов. – Пробок нет, быстро долетим.
- Через пять минут вновь зазвонил телефон, теперь Настин.
- Алло, – ответила она. – Кирилл, ты?
- Но это звонил не муж.
- День добрый, – раздалось в трубке. – Вы меня не знаете, Анастасия Сергеевна, мне нужно сказать вам что-то очень важное.
- Слушаю вас.
- Вы сейчас одна?
- Не совсем, – ничего не понимала Настя.
- Тогда вам нужно выйти, чтобы никто, повторяю, никто не слышал нашего разговора.
- Хорошо, – уступила Мезенова.
- Она была заинтригована.
- Игорь, останови, пожалуйста, машину. Мне звонят по работе. Это важно, а слышимость плохая.
- Пименов остановил машину. Настя вышла, вслед за ней вылезла Людмила.
- Хорошо, только на дорогу не выбегай и в грязь не лезь! – наказала она дочери.
- Отойдя подальше, Настя приложила телефон к уху.

– Вот теперь я одна, говорите.

– Меня зовут Наташа. Я работаю в отделе опеки и попечительства города Москвы. Вы же являетесь удочерителем Сошниковой Людмилы?

– Да.

– Я случайно наткнулась на странные документы. Некто Пименов Игорь Павлович подаёт заявление на удочерение девочки. В заявлении дата не стоит. Но ещё больше удивили меня документы, прилагающиеся к заявлению. В папке лежали копия экспертизы на отцовство Пименова, копия его паспорта и постановление суда об отмене отцовства Мезенова Кирилла Валерьевича в пользу Пименова Игоря Павловича.

В документе говорится, что мать, удочерившая девочку, Мезенова А. С. умерла в результате несчастного случая, а отец, удочеривший её, не является её кровным родственником. Дата в решении суда тоже не стоит, можно ставить любую. Ещё в документе есть пункт, где Пименов наделяется полномочием распоряжаться квартирой дочери до её совершеннолетия.

Настя стояла как громом поражённая. А девушка продолжала:

– Эта папка случайно упала со стола моей начальницы, листы вылетели. Я думала, пропуск даты – это ошибка, оказалось, не ошибка... Я здесь работаю недавно, перевелась из другого города. Здесь милые люди, профессионалы своего дела, но эта женщина меня настораживает: ей постоянно звонят, она никогда не разговаривает в кабинете – всегда выходит в коридор. Зовут её Ронжина Раиса Ивановна. Я отсканировала эти документы, могу выслать вам на почту, если хотите.

– Да, хочу, – еле выговорила Настя, находясь в ступоре. – Почта простая: Крылова инфо собака майл точка ру...

– Настя, вы понимаете, что вам и девочке грозит опасность? Он избавится от вас, потом по такой же схеме – от дочери. Квартира после смерти ребёнка переходит ближайшему кровному родственнику...

– Д-да... – тихо сказала она, зубы стучали. – Сп-п-пасибо...

– До свидания! Осторожнее, Анастасия Сергеевна.

Её трясло. Слёзы бежали по щекам, Настя звонила мужу.

– Кирилл, – плакала она, – прости меня, если сможешь. Я не верила тебе, думала, ты просто ревнуешь...

– Настя, ты плачешь?! – закричал Кирилл в трубку. – Вы где?

– Мы вышли из машины. Я узнала, что Пименову нужна квартира, и он ни перед чем не остановится... Мне страшно, Кир!

– Я уже рядом, маленькая моя! Я уже еду. Только не отключай телефон, – как мог успокаивал её он.

Пименову надоело сидеть в машине, и он вылез.

– Настя, сколько можно? Ехать пора.

– Людочка, иди ко мне! – позвала дочь Настя и крепко взяла её за руку.

Игорь подошёл ближе и увидел, как изменилась его знакомая: побелевшие губы, широко распахнутые глаза.

– Мне стало плохо... Я дождусь мужа. Аквапарк отменяется.

Её слова прозвучали как гром среди ясного неба. Мужчина внимательно посмотрел ей в лицо. В глазах Насти он прочёл страх, ненависть и укор. «Как же, больна она!..» Пименов понял: звонил таинственный осведомитель, она что-то узнала и теперь уже никуда с ним не поедет.

– Ладно, – ухмыльнулся Пименов и сел в машину.

Отъехав, он сразу позвонил Арсену:

– Наш план сорвался. Её кто-то предупредил. Видимо, она всё узнала. Кроме того, сейчас за ней едет муж.

– Ты, сучонок, слушай сюда! Тебе сделали все бумаги. Я столько времени потратил, чтобы внедрить в опеку нашего человека, а ты хочешь всё разрушить?! Ведь если она заговорит, знаешь, что будет?! Вернись и сделай так, чтобы она замолчала навсегда. Ты понял меня?!

– Понял, – прошептал Игорь. – Но я... я не смогу.

– Где ты их оставил? До моста далеко?

– Нет, минут семь езды.

– Ладно, ничего не предпринимай. Сами всё сделаем.

* * *

Возле них остановился серо-стальной БМВ Кирилла. Сам он пулей вылетел из салона.

– Папочка приехал! – уже бежала к нему Людмила.

Полковник подхватил её на руки, обнял, потом открыл заднюю дверь и легонечко подтолкнул:

– Полезай скорее в машину.

Захлопнув за дочкой дверцу, пошёл к жене. Увидев мужа, Настя отступила на несколько шагов назад и разрыдалась: напряжение уходило вместе со слезами, теперь можно было отпустить себя, не боясь испугать дочку своей истерикой. Быть рядом, смотреть Кириллу в глаза она не могла, ей было мучительно стыдно за то, что обманула его...

– Откуда берутся такие люди, Кирилл?! – кричала она на расстоянии, захлёбываясь. – Он же... Он же за руку её держал! Мороженое покупал! Она же его родная дочь, Кир! А я... я поверила ему! Никогда себе не прощу! Никогда!..

Он хотел приблизиться и обнять её, но Настя выкинула руку, жестом говоря: «Не подходи, пожалуйста. Мне нужно побыть одной».

– Он мне сегодня в машине улыбался... А в Москве в органах опеки уже заявление его на удочерение лежит, потому что, видите ли, я скончалась!.. Мразь!

– Настён, пошли в машину, Людмила ждёт, – тихо попросил Кирилл, наблюдая сильнейшее эмоциональное потрясение жены и переживая за неё. – Поехали домой!

Она ещё всхлипывала, но уже тише и слабее.

– Дай мне... Дай мне ещё пять минут. Меня тошнит, мне нужно подышать.

– Хорошо, – вздохнул Мезенов. – Жду тебя у машины.

Полковник подошёл к машине, облокотился на капот и закурил.

– Черкасов, привет! Поднимай всех в ружьё! Ты же умный, знаешь, кому звонить. Андрей, тут важно не вспугнуть, аккуратно, без лишнего шума. Ищите заявление Пименова на удочерение в органах опеки. Да, ты правильно всё понял, всю документацию за последние две недели. Настя успокоится – расспрошу её подробнее.

Кирилл убрал телефон и с нежностью посмотрел на одинокую фигурку возле обочины. Вдруг звук мотоцикла заставил его оглянуться. Чувство опасности пробудилось у него, как у зверя. Повернувшийся со встречной полосы мотоцикл летел на Настю. Кирилл рванул к ней. Счёт шёл на секунды. Всё, что смог сделать полковник, – оттолкнуть жену, подставившись под удар...

Тело полковника описало дугу, ударилось об асфальт и откатилось к обочине. От столкновения мотоциклист в чёрной кожанке вылетел через руль мотоцикла и, приложившись об асфальт, затих. Его байк проехал ещё несколько метров и завалился набок. Всё произошло в мгновение.

Настя несколько секунд стояла в шоке, потом бросилась к мужу:

– Кирилл!..

Она упала на колени и обхватила ладонями его голову. Он ещё дышал, изо рта тоненькой струйкой сочилась кровь. Кирилл узнал её.

– Я здесь, милый, родной мой! Только не умирай, слышишь?! Пожалуйста, не умирай!..

– Живая... – произнёс он и сделал попытку улыбнуться. – У меня в телефоне... Андрей Черкасов... Набери... его... Андрей Черка...

Он закрыл глаза и затих. Она не верила, мозг её отказывался верить, что мужа больше нет. Продолжая гладить его по щеке, она уткнулась головой ему в грудь.

– Кирилл... – шептала она. – Я не смогу без тебя. Не оставляй меня. Или заведи с собой...

Внезапно её словно обдало холодным воздухом, а в голове прозвучал чей-то вкрадчивый голос: «Заметь, ты сама об этом попросила... Смерть недалеко ушла, ей не составит труда вернуться...»

Вдруг страшная резь внизу живота пронзила её. Настя перекадилась на бок, скорчилась, подтянув ноги к груди. «Мамочка! Только не это!» А боль всё нарастала и нарастала. Не в силах терпеть, она закричала и вдруг почувствовала, как что-то тёплое течёт по её ногам.

А в закрытой машине плакала и металась девочка. Всё произошло на её глазах, и ей было страшно. Прижав медвежонка к груди, она перебралась на место водителя и нажала звуковой сигнал автомобиля.

Как крик о помощи, как вопль отчаяния маленькой израненной души, он звучал и звучал, сотрясая вселенную, заставляя людей в проезжающих авто останавливаться и бежать к серой машине.

* * *

Девочка сидела на больничной койке и смотрела в одну точку. Бегающие по палате дети с нездоровым любопытством косились на странную новенькую. За целый день она не произнесла ни слова и не притронулась к еде. К ней то и дело приходили разные врачи, осматривали, пытались разговорить и со вздохом уходили. Потом приходили новые, и всё начиналось сначала.

Дети радовались: какое-никакое, а развлечение – прыгать перед ней и корчить рожи или бросать ей на кровать тапок и забирать его. Так продолжалось, пока это безобразие не увидела санитарка и не позвала старшую медсестру.

Теперь у девочки была отдельная палата.

– Людмила, ты меня слышишь?

Серафима села перед ребёнком. Глаза девочки на секунду ожили, но тут же снова потухли.

– Прости меня, малыш, я не смогла их спасти, – с горечью произнесла она. – Я просто не успела...

– Надо же, как трогательно!..

Шет появился в палате внезапно, сегодня в форме угольно-чёрной взвеси.

Никогда ещё победа не давалась ему с таким трудом. Когда он проворачивал это дело, силы почти оставили его, и он не понимал почему. Жалкие остатки его энергии ушли на то, чтобы пробудить жестокость у Арсена, «угговорить» Пименова пойти на сделку со своей совестью, посеять недоверие к мужу у Анастасии. Последнее было самым сложным: Шет бился с ней два дня. Сейчас у него даже не было сил улизнуть отсюда, вот почему они встретились.

– Где ты так долго была? Всё это время я ждал твоего появления, – язвительно произнёс он.

– Неужели соскучился? – огрызнулась Серафима.

Шет словно не заметил её колкость и продолжил:

– В ситуации с Зориным время повернулось вспять. Как тебе это удалось?!

– Не без труда, – вспомнила она о цене и вздохнула. – Но ты их больше не достанешь!

Конечно, демон знал непреложное правило: только два раза он мог наведываться к одному и тому же человеку – третьего не дано.

– Беда твоя в том, что к некоторым своим подопечным ты очень сильно привязываешься, – заметил Шет.

– А тебе доставляет удовольствие убивать самые чистые души! – бросила она обвинение, намекая на Кирилла и Настю.

– Да, мне это нравится, – признался демон. – Если ты про Анастасию Мезену, то сама знаешь: благими намерениями вымощена дорога в ад...

– Ребёнок-то при чём?! – воскликнула Серафима. – Девочка только после смерти матери отошла, и снова смерть близких! Теперь расстройство психики, потеря речи, да ещё детский дом маячит впереди! Тебе не кажется, что это перебор?!

– М-да, неловко получилось, – с издёвкой произнёс Шет и подмигнул: – Но ты же исправишь, правда? У тебя и опыт имеется.

Он захохотал, так ему понравилась его шутка. Серафима хотела ударить, но вспомнила: сил мало – не как раньше – нужно беречь.

– Убирайся!

Демон наконец почувствовал, что может исчезнуть.

– Сам уйду, – оскалился он. – Счастливо оставаться!

Когда демон скрылся, Серафима закрыла глаза, мысленно возвращаясь на трассу. Она видела, как ослабевшая от потери крови Настя повернулась к ещё тёплому телу любимого и прижалась к нему.

– Прости меня, родной мой. Ты и Людмила – два моих счастья. Спасибо тебе за всё... Прости меня...

Серафима видела, как возле девушки мечется душа Кирилла, не в силах уже помочь. Как из последних сил Настя приподнялась, потянулась к мужу, поцеловала и погладила по волосам. Затем рука упала и осталась лежать неподвижно на груди полковника. И вдруг пошёл снег – первый в этом сезоне. Снежинки падали на их лица и таяли. Потом таять перестали...

Серафима очнулась. Её лицо было мокрым от слёз – она и не заметила их. Девочка так же неподвижно сидела на кровати.

– Всё будет хорошо, малыш! – тихо коснулась её головки светлый ангел. – Я обещаю...

* * *

Серафима знала: теперь найти Небесного Стрелочника не составит труда. Она вспомнила их последний разговор.

– И всё-таки я надеюсь, что ты передумаешь. Ты сама не ведаешь, что творишь! Находясь под влиянием эмоций, невозможно принять взвешенное решение. Всё можно переиграть, и у тебя снова будут два крыла, – он пытался её переубедить вновь и вновь.

– Спасибо, но я хорошо всё обдумала.

– Вот упёртая девчонка! – рассердился Небесный Стрелочник. – Я скажу тебе твоё слово-ключ. Это слово «Вершитель». Произнеси его, если передумаешь.

– Хорошо. Я сохраню его в тайне, – пообещала Серафима.

– Глупая, только в твоих устах это слово – ключ. Другие пусть хоть миллион раз твердят – ничего не получится, – рассмеялся он, и фигура в белом балахоне растаяла.

Серафима поднималась в высоту. Теперь благодать уже не радовала её.

– Это же неправильно: так болезненно реагировать на людские страдания, – рассуждала она вслух. – Ведь другие ангелы как-то смиряются с человеческими жертвами!

Она вспоминала итоги их вечной войны с Шетом. Большинство душ ей удалось спасти, были и те, кого не сумела. И ничего, ей не приходила в голову шальная мысль расплатиться за их жизнь крыльями. Почему же она не смогла принять гибель Иринки и отчаяние Максима? И сейчас её тоже разрывает от боли?

Любовь! Их любовь, искренняя и чистая, впечатлила даже её, ангела! Каждый из них готов был, не раздумывая, отдать свою жизнь за другого. Она не просто знала – она видела насквозь их сердца! И ещё поразила незапачканность их душ – такая редкость в мире людей.

Чем провинились Кирилл и Настя? Всё, что они хотели, – любить ребёнка, пусть даже чужого, и сделать семью островком счастья и радости. Шет всё разметал...

Серафима представила, как могли бы быть счастливы эти люди, и решимость её возросла. Страх никуда не ушёл: неизвестность так же пугала её. Но ещё больше её страшило вечное терзание о том, что она могла помочь и не помогла...

– Вершитель! – что есть мочи крикнула она, и эхо разнеслось в гулкой пустоте.

Место было то же самое – ничего не изменилось. Та же огромная фигура сидела в озерке света.

– Одумалась?! Слава богу! А то у меня сердце было не на месте, что я так поступил с ангелом...

– Нет, Вершитель, я пришла за иной милостью, – и Серафима замолчала.

– Что же ты хочешь? – недоумевал он.

– Я... Я готова пожертвовать ещё одним крылом! Шет не оставил мне выбора... Пострадал ребёнок – это недопустимо!

– Нет! Одумайся! – закричал он.

Вся история Кирилла и Насти Мезеновых пронеслась у неё в голове. Она специально приоткрыла их историю Распорядителю, чтобы тот понял.

– Даже если это так, – воскликнул он. – Ты не можешь лишиться последнего крыла. Ты погибнешь! Погибнешь как ангел!

Серафима уже была готова к тому, что Небесный Стрелочник начнёт её отговаривать.

– Но я же имею на это право?

– Конечно имеешь, – с болью в голосе сказал он. – Только... Только, лишившись крыльев, тебе уже не вернуться в наш мир. Совсем.

По телу ангела пробежала дрожь, Серафима закрыла глаза и мысленно попросила: «Я всё решила. Пожалуйста, не нужно меня переубеждать, мне и так очень плохо, уговоры принесут мне только боль...»

Распорядитель только вздохнул и промолвил:

– Хорошо. Я не буду тебя отговаривать. Бедная девочка!..

Серафима не поняла, кого он имел в виду: её или дочку Кирилла и Насти.

– Шет знает о твоём решении?

– Нет, – помотала головой Серафима. – Зачем ему говорить?

– Он твой дуал. Исчезнешь ты – исчезнет он.

– А!..

– Ладно, я ему сам скажу. Подойди ко мне.

Серафима приблизилась и встала рядом с фигурой в белом балахоне.

– Спасибо, что даёте всё исправить, – тихо сказала она и опустила голову.

– Ничего не бойся, светлая девочка. Больно не будет. А на земле тоже можно жить. Ты не затеряешься среди людей, Серафима.

Шет с удивлением озирался вокруг, пока его взгляд не наткнулся на фигуру в белом балахоне.

– Где я?

– На Пороге Времени: можно пойти вперёд, можно вернуться, – пояснил Стрелочник.

– Вот теперь я понял, кто помог светлому ангелу всё отыграть.

– Да, но она сполна заплатила за это своим крылом. Скоро лишится и второго, а с ним и всей своей силы. Тебе нужно срочно искать другого дуала, Шет.

Демон пребывал в полном замешательстве.

– Как?! Зачем?!

– Тебе этого не понять. Просто начинай искать дуала, времени у тебя мало...

– Но она не может так поступить! Так не принято у ангелов! – уже кричал демон.

– Согласен, это большая редкость. Но она не первая.

Шет отказывался понимать то, что слышал.

– Что с ней будет, когда она отдаст последнее крыло?

– Она будет просто человеком, – продолжал беседу спокойный голос. – Почему тебя, демона, это волнует?

– Потому что с ней, по крайней мере, было интересно бороться. Я привык быть сильным с сильным соперником! – взвился Шет, он был явно в бешенстве.

– Весьма сожалею, – несколько насмешливо заметил Стрелочник.

Демон казался потерянным. Он заигрался, но игра пошла не по его сценарию.

– И что? Она не будет помнить, что когда-то была ангелом? – не унимался Шет.

– Не думаю.

– Но что-то она будет помнить?!

– Нет, – покачал головой Небесный Стрелочник. – Единственное, я могу на её руке написать на память её имя.

– А вернуться? – допытывался демон.

– Ну, если кто-то отдаст ей своё крыло. Но кто это сделает?

– Никто! Нет больше таких сумасшедших! – вспыхнул дуал.

– Вот и я об этом, – завершил разговор Вершитель. – Шет, ты теряешь время!..

* * *

Мерцающий ночник делал детскую комнату волшебной и уютной. Дочка только уснула. Настя сидела на краешке её кровати и думала о том, что Игорь – хороший человек и ничего страшного не произойдёт, если Мила увидится с отцом. Её удручало лишь одно: Кирилл очень настороженно отнёсся к её знакомому.

«Надо попробовать переубедить мужа!» – решила Настя и вышла из детской.

Кирилл не спал – ждал её и коротал время за чтением книги.

Настя подлезла ему под руку и начала издали:

– А интересно, что чувствует мужчина, когда узнаёт, что у него есть сын или дочь? И что он испытывает – радость или шок?

Полковник внимательно посмотрел на жену, засмеялся и сгрёб её в охапку:

– Ну ты, лиса! Кажется, я знаю, к чему ты клонишь...

– Даже так?!

– Душа моя, тебя в разведку не возьмут: у тебя на лице всё написано. Можешь не начинать, мне по-прежнему не нравится идея знакомства Милы с твоим московским гостем. Даже если он её отец.

Настя поняла, что её рассекретили, выбралась из его объятий и, демонстративно скрестив руки на груди, откинулась на подушку.

– Кир, ну почему?! – протянула она тоном обиженного ребёнка.

– Потому что у меня мозг заточен замечать фальшь и подводные камни, – усмехнулся он и поцеловал жену в лоб. – Извини, издержки профессии. Рад бы не видеть, но не могу.

– Ты страшный человек, Мезенов! – шутя поддела его Настя.

– И не говори, – со смехом поддержал жену Кирилл. – Иногда сам себя боюсь.

Потом он взял её за плечи и развернул к себе.

– И ещё, давай так... Маленькая проворная лиса шустрит по дому, не убегая далеко от норы. И главное, не суёт свой любопытный нос в это дело, иначе эта рыжая может угодить в западню.

– Вот, значит, как?! Прямо в западню? – уточнила Настя.

– Настюх, я всё тщательно проверю. Если Пименов твой чист, я сам лично за руку отведу к нему Милу. Ты мне веришь?

Анастасия посмотрела на мужа: «Как можно ему не верить?!»

– Хорошо, – обещала она. – Я тебе верю. И я не буду соваться.

Полковник наклонился к её пока ещё плоскому животу и, поцеловав, обратился к нему:

– Заметь, она нам обещала. Ты свидетель.

Настю рассмешила выходка мужа, и она прыснула:

– Почему свидетель, а не свидетельница?

Кирилл улыбнулся и подмигнул:

– Вот увидишь, пацан будет!

Игорь позвонил ей на следующий день.

– Привет! Слушай, Анастасия, а чего у тебя такой мужик кипишной? Только позавчера так хорошо посидели... Он что, тебя ко мне ревнует?!

– А в чём проблема? – спросила Настя.

– Запретил мне звонить и видаться с тобой. Сказал, что застрелит.

Настя, с трудом сдерживаясь, чтобы не засмеяться, очень озабоченно произнесла:

– Ого! Значит, не будем рисковать. Кирилл – он такой: сказал застрелит – значит, застрелит! Пока, Игорь!

Она положила трубку и улыбнулась: «Ну, Мезенов!..»

Через две недели Кирилл пришёл домой очень серьёзный. Поужинав, оценивающе посмотрел на жену.

– Что? – забеспокоилась Настя. – Что-то случилось?

– Да вот, думаю, рассказать тебе или не стоит? Ты у меня барышня впечатлительная, ещё и беременная, но рассказать хочется, потому как тебя это дело тоже касается.

Заинтригованная Настя быстро села за стол:

– Никаких истерик. Ты забыл? У тебя жена журналист.

– Ладно, тогда слушай. Пименов твой – игрок. Должен подпольному казино немаленькую сумму. У Арсена, хозяина казино, есть, вернее, уже был свой человечек в отделе опекунства. Видимо, Игорь услышал разговор и среагировал на знакомую фамилию: Сошникова Людмила. Радости его не было предела – матерью Люды была Маргарита. Подсчитав, сколько девочке лет, он был уверен, что ребёнок его. Загвоздка была в том, что ребёнка удочерили. А дальше созрел план, который он собирался воплотить не без помощи Арсена. Только ему не повезло, потому как ты замужем за мной, а у меня есть друг Андрей Черкасов, а у Черкасова – связи в отделе по борьбе с организованной преступностью. Так что благодаря нашей операции его плану не суждено было сбыться. Загребли всех: и тётю из опеки, и нашего папашу, и Арсена – всю шайку-лейку.

Полковник пододвинул к жене папку.

– Я же тебе обещал, что разберусь. Здесь копии документов, что они готовили за твоей спиной, а также протоколы допросов. Завтра должен вернуть.

Настя сидела с широко распахнутыми глазами и комом в горле – слов не было.

– Ну, что скажешь? – спросил Кирилл.

Она молча подошла, обняла и, уткнувшись в него, прошептала:

– Скажу, что мне очень повезло с мужем!

* * *

Настя разбудила его ночью. Он почему-то видел во сне своего лучшего друга Егора, погибшего от осколка гранаты при операции. Никогда не видел, и вдруг – на тебе! Во сне тот улыбался и протягивал Мезенову руку, и Кирилл непременно бы пожал её, как вдруг...

– Кирюша, проснись! Вставай! – сквозь сон услышал полковник голос жены.

Ещё не проснувшись, он на автомате сел и протёр глаза.

– Кирюш, кажется, началось... Мне в больницу надо, – тормошила его Настя.

Тут он понял и в панике вскочил:

– Сейчас скорую вызову!

– Не надо скорую, – умилилась его смятению беременная супруга. – Просто одевайся, бери сумки, они у входа, и заводи машину.

– А скорую?!

– Зачем дёргать врачей? Пусть они занимаются больными, я-то просто беременная! Сами доедем! – через боль улыбнулась Настя и стала глубоко дышать. – Тем более ехать-то пятнадцать минут.

Мезенов моментально оделся, пулей выбежал во двор и, подогнав машину к подъезду, вернулся за женой.

В приёмном отделении быстро оформили документы, санитар забрал её пакет и протянул руку. Настя подошла к Кириллу и посмотрела в его тревожные глаза.

– Отставить панику! Поезжай домой и жди от меня звоночка, – нежно проворковала она и поцеловала мужа в щёку. – Борщ на плите, салат и котлеты в холодильнике.

И, опираясь на руку санитаря, его любимый «колобок» скрылся за дверью. Кирилл немного постоял и поехал домой. Людмила сладко спала. Кирилл выключил ночник и вышел из детской. Остаток ночи он с телефоном в руке бродил по квартире, как зверь в клетке. Под утро сварил кашу для дочки, укутал кастрюлю полотенцем, сделал себе кофе. Людмила встала в туалет, потом зашла к нему на кухню.

– Папуль, ты почему не спишь?

– Люд, я к маме сейчас поеду, она уже в роддоме. А ты иди поспи, а как проснёшься, меня наберёшь.

– Хорошо.

Кирилл проводил её до детской, потом взял телефон, документы и ключ от машины и поехал в роддом.

В приёмном покое врач указала ему на банкетку:

– Вот тут можете подождать, а в родильное отделение никто вас не пустит. Я позвоню, скажу, что вы ждёте. И если что, они мне сообщат.

– Спасибо, – поблагодарил он и опустился на банкетку. – Уже шесть часов рождает!..

– Экий вы быстрый, – усмехнулась врач. – Бывает, и сутки ждут.

Мезенов наклонил голову и обхватил её руками. Последний раз он ждал у операционной с Настей, предпоследний – в госпитале, с ребятами, когда оперировали Егора... Вдруг у него перехватило дыхание: «Может быть, поэтому Егор приходил к нему во сне?! Может, хотел предупредить? Настя!..»

Беспокойство его нарастало.

– Узнайте, пожалуйста, что с моей женой? Может, нужно кровь сдать? – бросился Кирилл к женщине.

Врач внимательно посмотрела ему в глаза.

– Военный?

– Офицер запаса.

Она набрала стакан воды, улыбнулась и протянула его полковнику.

– Я раньше в госпитале работала, постоянно эту фразу слышала. Как будто обратно вернулась... Но здесь другое. Здесь природа, естественный процесс, а мы, врачи, только помогаем. Всё будет хорошо! Имя-то уже придумал?

Мезенову сразу стало как-то легче, тревога улеглась, он был очень благодарен этой уже молодой женщине.

Выпив воды, он ответил:

– Друг у меня был. Погиб... Егор Птица... Его именем назову.

– Какая интересная фамилия – Птица, – удивилась женщина.

– Это не фамилия. Это его кличка и позывной. У него на спине родимое пятно было – как будто птица летит, поэтому так и звали.

Женщина встала и пошла обратно к столу.

– Ты приляг, милочка, может, уснёшь. А мне журнал нужно заполнить.

Кирилл и правда задремал. Где-то через час проснулся от телефонной трели. Врач взяла трубку и заулыбалась.

– Ну что, поздравляю тебя, папаша! Сын у тебя! Три кило семьсот. Здоровенький. И мамочка в порядке. Молодец, сама родила! Вот про молочко не знаю, это она уже тебе сама скажет. Только пока ей не трезвонь: не до того сейчас ей.

На глазах Кирилла показались слёзы. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

– Слава богу! – выдохнул он. – Сын!.. У меня есть сын!

* * *

Через день Мезенов поехал за коляской. Машина бойко шла по трассе, Людмила на заднем сиденье что-то напевала.

– Пап, чур, коляску братику я выбираю, ладно?

– Ладно. Подожди-ка, доча, мама звонит, – прервался он. – Поговорю, передам телефон тебе, мама по тебе соскучилась.

Милый родной голос звучал так, как будто она была рядом.

– Привет, родная! Как вы?

– Ну, как мы... Так же лежим в палате вместе. Егорка сегодня впервые поел. Правда, долго не мог сообразить, что да как. Смешной такой! – делилась новостями Настя. – Медсестра приходила пупок обрабатывать и осматривать. Когда пелёнки развернули, немного покричал. Зато я его рассмотрела. Красавчик! На тебя, Кир, похож. И ты знаешь, на груди, там, где сердце, у него родимое пятно, похожее на птицу, – как будто птица летит. Представляешь?! Я тебе фото прислала, посмотри!

У Кирилла потемнело в глазах, он резко ударил по тормозам, и машина остановилась у обочины.

– Кирилл! Алло, я тебя на слышу, Кирилл! – кричала в трубке Настя.

Сердце бухало как кузнечный молот, полковник завершил телефонный вызов и попытался отдышаться. Потом посмотрел на фотографию и остоленел: та же птица, точная уменьшенная копия – он не мог ошибиться! И полковника озарило: «Вот почему ты мне приснился!»

«Ты правильно всё понял, – вдруг услышал он рядом чей-то голос. – Он сразу согласился. Даже уговаривать не пришлось. Он тоже очень тосковал по тебе. Это мой тебе подарок, полковник...»

– Папочка! Что-то случилось? – встревожилась Людмила.

– Всё хорошо, дочка, – осветилось лицо Кирилла счастливой улыбкой. – Ты даже не представляешь, как хорошо...

Часть вторая. Серафима

* * *

– Всё, Сим. Ты как хочешь, а я больше не могу.

Машкины глаза источали невероятную усталость, грустная улыбка пряталась в уголках губ.

– Слышишь? Звуки моторов. Дорога где-то рядом. Поехали домой, а?!

– А собака?

– Да чёрт с ней, с собакой. Сама убежала – сама прибежит.

– Анне Валерьевне от хозяйки влетит, – поделилась опасениями Серафима.

– Жаль, конечно, бабулю, но мы и так сделали всё, что могли.

Машка смотрела жалобно-просящим взглядом, и подруга сдалась:

– Ладно, пошли к трассе.

Видимо, недалеко был посёлок, и, на удивление девушек, лазить по сугробам не пришлось: в снегу было протоптано много тропинок – очевидно, жители любили гулять в лесу.

Поэтому шли подруги быстро. Мысль о том, что скоро их мытарства закончатся, прибавляла силы.

– Это ж куда нас занесло?! – изумлённо протянула раздосадованная Маша, потому что вышли они отнюдь не на трассу.

На небольшом холмике стояла огромная толпа народу. Вереницей выстроились легковые машины, вдалеке тоже были машины. Яркие, в наклейках с рекламой и именами пилотов, они по одной с рёвом исчезали за поворотом.

– Соревнования у них, что ли? – предположила Серафима.

– Похоже на то, – протянула Мария. – Ну и что делать будем?

– Давай подойдём узнаем, как выбраться отсюда.

И девушки зашагали к толпе. Оказалось, все приехали на своих авто, а цивилизации в виде общественного транспорта здесь не наблюдается. Подруги переглянулись: «Вот мы попали...» – и остались смотреть на гонки. А что ещё им оставалось делать?!

* * *

Сегодня гонка у Остапенко явно не заладилась. В первом заезде при повороте он не заметил рытвину, выбитую колёсами предыдущих машин. Вернее, заметил, но поздно – уже въехал в неё, и пришлось сбрасывать скорость. Вот объехал бы – обошлось бы без заминки, не было бы потери драгоценных секунд... Недовольный собой, Тарас выругался и в раздражении совершил ещё пару-тройку мелких ошибок.

Лидером в своей группе после первого заезда он, конечно, остался, и отрыв от остальных был приличный, но всё равно он знал, что проехал гораздо хуже, чем планировал. Выкуренная сигарета несколько вернула ему душевное равновесие. Он тщательно осмотрел машину, перекинулся парой слов с мужиками и стал готовиться ко второму основному заезду.

Объявили и пригласили на старт их категорию. Похлопав по капоту машины (не подведи, крошка!), Тарас поправил шлем, сел в кресло, не торопясь пристегнул ремни. Сейчас он глубоко дышал, стараясь усмирить внутреннее волнение, присущее каждому пилоту в последние минуты перед стартом. Мотор заревел, зелёный стартовый флаг взметнулся вверх, и машина пошла. На этот раз всё шло гораздо лучше: «крошка» вела себя хорошо, сцепка со снежной дорогой была не просто сносной – отличной. Два поворота Остапенко прошёл с максимальной скоростью, он это чувствовал. Он обожал испытывать то самое ощущение звенящей уверенности, когда пилот, машина и дорога становятся единым организмом, и радости, что гонка идёт как надо, а он, Тарас Остапенко, полностью всё контролирует... Он внутренне знал, что и с остальными поворотами он не накосячит, ибо сегодня его день. Третий поворот – чисто! Вот и четвёртый. Вдруг впереди, метрах в двадцати, на дорогу выскочил какой-то зверь.

«Волк?! Лес рядом...» – только и мелькнула мысль в голове Тараса. А руки уже машинально выкручивали руль...

От удара собаку откинуло в сторону. В том, что это собака, Тарас уже не сомневался: хвост был бубликом. В остальном – серым окрасом и стоячими ушами – пёс и правда смахивал на молодого волка. Машину занесло, она чиркнула по снежному брустверу, подняв фонтан снежной крошки, и остановилась.

«Чёрт! Чёрт! Чёрт!» – взорвался Тарас, понимая, что уже не отыграет время. Окинув взглядом неподвижно лежащего пса, пилот завёл мотор и погнал дальше. Только сейчас маршалы выкинули жёлтый флаг – «опасность на дороге».

– Опомнились, твою дивизию!

* * *

На все вопросы девушек, когда же закончится гонка и можно ли с кем-нибудь вернуться в город, их посылали к организаторам соревнований. Главным, судя по всему, был молодой мужчина в чёрно-оранжевом горнолыжном костюме с рацией. Именно к нему то и дело подхо-

дили пилоты, механики, маршалы. Около него тёрлись телевизионщики с камерой. Он успевал отвечать всем, цепко следил за гонкой, по рации отдавал распоряжения.

Машка, смелая вначале, теперь пошла на попятную. И Серафиме пришлось взять подругу за руку и буквально тащить к этому человеку. Их опередил высокий широкоплечий пилот в бело-сером комбинезоне. Мужчины пожали друг другу руки, потом пилот заговорил. Прислушиваться не было необходимости: парень в комбезе явно был на взводе.

– Я не понял, маршалы здесь зачем понатыканы? Они вообще за трассой ведут наблюдение?

– Тарас, давай по сути, коротко и ясно.

– Хорошо, давай по сути. Мне на дороге собака выбежала. Хорошо, на «уши» не встал и не застрял в бруствере.

– Ну ты ж её объехал? – спросил главный.

– Если бы... Сбил я её. Даже объехать не смог – не успел. Кто должен оповещать о помехе на дороге?

– Ладно, разберёмся. Сейчас-то она где?

– Да там же, возле бруствера. Кстати, предупредите пилотов, чтоб повнимательней были на четвёртом повороте.

Серафима отпустила Машкину руку и подлетела к ведущим разговор мужчинам:

– Где вы сбили собаку? Какая она была? Серая лайка?

Тарас немного опешил от такого натиска: девушка появилась неожиданно и буквально набросилась на него с расспросами, сверкая большими карими глазами.

– Вроде лайка, хвост загнут кверху. Выскочила на трассе перед машиной. Что, твоя собака?

Девушка сверлила его взглядом.

– И вы даже не помогли ей?! Где она лежит?!

– Говорю же, на четвёртом повороте. Нет, я ещё и виноват?!

Дмитрий Забелин, главный организатор соревнований по ралли-спринту, переводил взгляд то на Тараса, то на девушку и молчал. Вдруг девушка резко развернулась, бросилась к стартовой черте, пересекла её и побежала прямо по гоночной трассе. Ей повезло: машины не стартовали – закончился второй заезд категории «тюнинг», готовилась к заезду категория «классика».

– Ку... куда?! – заорал Тарас и бросился за ней.

Барышня оказалась довольно прыткая, а он не восстановился после гонки, ноги были ещё ватные, поэтому нагнал её Тарас не сразу. Но нагнал!

– Совсем сдурела, да?! За собачкой она отправилась! А если сейчас поедет кто?! Старт никто не отменял. Дура!

Он схватил её запястье и силой потащил обратно. Серафима поморщилась от боли: хватка у парня была железная.

– Ты мне сейчас руку сломаешь! Чай, не за баранку держишься. Пусти, говорю, сама пойду!

Тарас разжал пальцы. Девушка только этого и ждала – бросилась наутёк, но тут же была схвачена за пуховик: парень прыжком сократил расстояние между ними и остановил беглянку. Всё-таки реакция у него была молниеносная.

– Ну всё, сама напросилась...

С этими словами он забросил строптивую незнакомку себе на плечо и зашагал туда, где в ожидании старта выстроилась очередь из машин.

Народ не мог пропустить такое зрелище.

– Что, поломалась?!

– Нет, мужики, он бензин забыл залить!

- А бампер-то хорош!
- Жаль, капота отсюда не видно!

Не обращая внимания на свист, смех и шутливые реплики знакомых, Тарас донёс девушку до Дмитрия, поставил на ноги и кивнул на неё охраннику:

- Твой клиент. Зафиксируй нарушителя. Дважды пыталась бежать. Парень в чёрной форме и шевроном «охрана» подошёл к Серафиме и улыбнулся.

– Ничё так, симпатичный нарушитель! Ну, это она от тебя бегаёт, – может, ты ей не нравишься. Мы с ней сейчас чаю по...

Охранник не договорил, потому что Серафима вновь рванула к трассе, на которую уже с рёвом уходили машины. Вот тут уже мужики охнули, и Забелин рванул красный флаг – «остановить гонку».

Сначала Сима бежала, потом сил не стало, и она пошла пешком. Какая-то машина промчалась мимо неё и остановилась.

- Садись, шалая, поищем твоего пса.

Девушка забралась в машину и только теперь увидела лицо Дмитрия.

- Вы?

– Ну не могу же я стоять в стороне, когда срывается моя гонка. Я ж как-никак организатор соревнований. Если что не так, с меня голову снимут.

* * *

Собака лежала с краю. Машинам она не была помехой, если только какую не вынесет в сугроб. Когда Серафима склонилась над бедолагой, пёс посмотрел на девушку растерянным взглядом, словно говорил: «Я не понимаю, что со мной, но не могу встать!»

- Волчок! Живой! Ну как же так?! А мы тебя второй день ищем.

Он узнал девушку и лизнул ладонь.

- Дай-ка я осмотрю тебя. Прости, дружок, будет немного больно.

После беглого осмотра лицо Серафимы нахмурилось.

- Ты что, врач? – удивлённо спросил Дмитрий.

- Да. Ветеринар... – тихо ответила она.

- Что? Всё плохо?

– Живой остался – уже чудо, а там рентген покажет. Но что бы ни было – бороться мы будем! Правда, бродяга?! – обратилась она уже к псу.

Сима сняла с себя пуховик, накрыла им собаку, осторожно, стараясь не шевелить, подняла на руки и попросила:

- Нам бы в город поскорей...

- Понял. Сделаем.

Он хотел забрать собаку у девушки, но та не дала:

- Нет, я сама. Я знаю как. Его нельзя тревожить.

Забелин открыл дверцу и кивком приказал садиться в машину.

Когда собаку устроили на заднем сиденье, Дмитрий протянул девушке влажную салфетку:

- Кровь на руках, вытри.

Она поблагодарила, взяла, отогнула рукава свитера и принялась оттирать кровь с ладоней. Мимолётно брошенный взгляд заставил Забелина остолбенеть. На тонком левом запястье девушки красовалась тату – витиеватая надпись старинным шрифтом: «Серафима». Он выдохнул, проглотил комок в горле и жадно впился взглядом ей в лицо. «Ну здравствуй, заклятый враг! Я нашёл тебя!»

* * *

Даже в воскресенье клиника никогда не бывает пустой. Если бы не звонок ещё из машины и особое положение, рентгена пришлось бы ждать очень долго.

Из двери выглянул Аркадий Ильич:

– Новицкая! Помощь нужна?

– Спасибо, думаю, справлюсь. Сейчас главное – снимки сделать.

– Ну, это да, – одобрительно буркнул тот и скрылся в своём кабинете: очередь к хорошему доктору – дело обычное.

Собака, изредка шевелясь, лежала на руках у Антона – парня, который привёз их с Марией в клинику. Всю поднявшуюся суету Сима помнила будто в тумане: как они с Дмитрием подлетели к дежурившей машине скорой помощи и Серафима просила для пса носилки, но их не дали, зато прибинтовали пса к рекламному щиту, как Забелин отдал ключи от своей машины механику из их команды и поручил ему отвезти девушек в город. Но вот что странно: взгляд Дмитрия, от которого хотелось съёжиться, она помнила отчётливо.

– Твоя собака? – спросил Антон.

– А? Нет, не моя! То есть... я её наблюдала в клинике, а так у Волчка хозяйка есть.

И Серафима улыбнулась, вспомнив историю собаки.

Первый раз она увидела собаку на приёме в их ветеринарной клинике «Яранг». Западно-сибирскую лайку по кличке Грэйвэнд – «серый ветер» – привела не хозяйка, а домработница Анна Валерьевна. Сама хозяйка, Ольга, после развода с мужем уехала на Мальдивы «греть кости», поручив собаку и дом своей пожилой помощнице.

Бывший муж, заядлый охотник, завёл породистого пса для себя и даже занимался с ним. Но семейные скандалы, проблемы с бизнесом достали его, и он, продав бизнес, уехал из страны, оставив Вэндика в числе прочего имущества супруге. Той собака вообще была не нужна, и чистопородная охотничья лайка скучала в вольере и раз в день, выпущенная на волю, разносила двор.

В один из дней «ветерок» загадочным образом сдуло со двора. Впрочем, разгадка обнаружилась сразу: этот засранец сделал подкоп под забором и удрал. Проветрившись – через два дня, – пушистый негодник вернулся домой с довольной мордой, грязный и голодный, с осколком стекла в лапе. Уворачиваясь от веника Анны Валерьевны, пёс искренне недоумевал: «За что?!» Потом: «Почему это от хозяйки так сильно разит валерьянкой?!» А ещё через день лапу разбарабанило так, что пришлось ехать в клинику.

Серафима в этот день вела приём вместо заболевшей коллеги. Очередь была небольшой, основной поток обещал хлынуть после шести часов вечера. Сима любила, когда можно было не торопиться, а размеренно поизучать каждого из пациентов. Уже прошли три хозяина с кошками, потом принесли морскую свинку. Следующей была серая лайка в сопровождении молодой женщины. Даже на трёх лапах жизнерадостный пёс подскакивал около женщины, так и норовя подняться на задние лапы и лизнуть ей лицо.

– Да успокойся же ты, окаянный! – пыталась осадить она пса, Впрочем без злости, а скорее ворчливо-любя.

Видно было, что у них взаимопонимание и нежные чувства друг к другу, хотя и без сантиментов. Естественно, когда девушка подошла к пришедшим, пёс встал на защиту дамы – шерсть на загривке поднялась, зубы чуть выглянули в предупреждающем полуоскале, но рычать он не стал...

Серафима улыбнулась:

– Ты хочешь сказать, что тебя надо бояться? Может, оно и так, но я тебя, братец, разочарую: я тебя не боюсь.

С этими словами она подняла собаку на стол, ловко осмотрела рану, сделала рентген, достала осколок стекла, расширив рану, очистила её от гноя, промыла раствором хлоргексидина и наложила повязку. Беглец вёл себя хорошо, стойко перенося все неприятные манипуляции. Видимо, уже понял, что девушка помогает ему.

– Ой, спасибо, – обрадовалась Анна Валерьевна. – Сейчас мы домой пойдём.

– Какое домой! – воскликнула Сима. – Антибиотик сейчас вколю, анализ крови возьму, от паразитов буду обрабатывать: неизвестно, что он нацеплял на воле. И на два-три дня он у нас в клинике останется, понаблюдаю его. Если с ранкой будет порядок, я её зашью, обработаю. Потом швы снимать придёте через десять дней.

– Сколько возни с этим негодником! – покачала головой женщина.

– Ну а как вы хотели! Животные – как дети. За ними уход нужен.

После обработки лапы Серафима гладила собаку и разговаривала с Анной Валерьевной, которая была для Волчка (так сразу про себя окрестила лайку Сима) хозяйкой и заботливой «мамой».

– Кто занимается собакой?

– Да никто не занимается. Хозяйке не нужен, а я уже не молоденькая за ним по лесу носиться. Он же непоседа, всё норовит поводок вырвать и удрать.

– Собака чистопородная, жалко... Сегодня стекло, а завтра под машину угодит, – вздохнула Сима.

Волчок оторвался от собачьего лакомства, презентованного девушкой за хорошее поведение, словно понял, что речь идёт о нём, потом опустил морду и, причмокивая, продолжил хрустеть косточкой.

Они подружились. В следующий раз, когда пришли на перевязку, пёс уже радостно вилял «докторше» хвостом-колечком, как старой знакомой. Потом Серафима приехала к ним в гости в отсутствие хозяйки Ольги, осмотрела вольер, выгуляла Волчка в лесу – на радость ему и Анне Валерьевне, которая действительно еле поспевала за «молодёжью». Поэтому, когда собака сбегала и не вернулась, плачущая пенсионерка позвонила именно лечащему врачу Серафиме Новицкой.

Девушка с тревогой посмотрела на собаку. «Почти не двигается... Неужели мои опасения не напрасны, неужели задет спинной мозг?!» Серафима тут же стала гнать прочь страшные мысли.

Время тянулось невыносимо медленно. Наконец подошла их очередь на рентген. Схватив ещё влажные снимки, Новицкая прикрепила их на негатоскоп, мысленно сосчитала до десяти. С трудом справляясь с накопившим страхом, сделала глубокий вдох и сосредоточилась на чётких контурах белеющих на тёмном фоне костей собаки. Потом тихо опустилась на кушетку. «Вот и всё. Живой, но не жилец...»

Нужно было идти, звонить Анне Валерьевне, отпускать Антона, определять собаку на время в клетку. Сил не было: только сейчас Серафима поняла, как она устала.

В кабинет вошёл Аркадий Ильич. Встретившись с глазами девушки, спросил:

– Что? Всё так плохо?

Новицкая покачала головой. Завклиникой подошёл к снимкам и замер перед ними.

– М-да. Не повезло собаке. Об операции думала?

– Думала. А поможет?!

– Можно попытаться. Ну а там как судьба...

Серафима была очень благодарна шефу: он взял у неё телефон и позвонил хозяйке, сам вышел к Антону поговорить. Собаку унесли, а ей сделали крепкий чай с лимоном и сахаром.

– Иди домой, Сим, с хозяйкой я сам поговорю.

– Я дождусь.

– Ну, как знаешь.

Хозяйка приехала в клинику только после десяти вечера. Всё это время Серафима сидела на одеяле рядом с клеткой Волчка, гладила по загривку, словно успокаивала его и себя: «Не грусти, дружище, не из таких ям выбирались. Вселенная нас не оставит». А сердце уже сжималось от жалости то ли к собаке, то ли к себе – что нет рядом близкого человека, который защитит от внезапно навалившегося на неё мира. Мира-без-прошлого...

* * *

Хорошо тем, кто знает, кто он, кто его родители, где его дом. В случае с Серафимой прошлое загадочным образом отсутствовало. Самое первое её воспоминание: ранняя осень, она бредёт по пыльной просёлочной дороге, в тишине, изредка нарушаемой шумом проезжающих машин. На ней брюки цвета хаки, песочного цвета трикотажная кофта да кроссовки. Всё! Больше вещей нет, как и документов. О себе она не знает ничего, известно только имя – Серафима. Редкое, нездешнее, словно из прошлого века. Да и его девушка случайно прочитала на левом запястье, когда солнце начало припекать, стало жарко и она закатала рукава кофты по локоть.

Куда и откуда она идёт, тоже было для неё загадкой – она просто очутилась на этой дороге, и всё! Наверное, шла она долго: ноги изрядно гудели. Серафима дошла до огромного валуна, что стоял у самой дороги, и с наслаждением оседлала гостеприимный, тёплый камень, хотя и пыльный.

Машин, как назло, не было, – видимо, дорога была не основная. Девушка решила, что ещё посидит минут двадцать, а потом пойдёт дальше – искать более оживлённую трассу. Вдруг послышался звук идущей машины, и она увидела вдалеке серый уазик. Серафима вскочила на ноги и стала махать рукой.

Уазик остановился. Из окна высунулся молодой мужчина.

– Ого, какие цыпочки на дороге!

Симе он почему-то сразу не понравился, она уже пожалела, что остановила машину.

– Ну чё встала, залезай! – весело крикнул он и подмигнул.

Девушка отступила назад в нерешительности.

– Залезай, говорю, не съем я тебя, – торопил её водитель. – Давай быстрее, а то я опаздываю. Мне ещё в два магазина надо товар развезти.

Серафима наконец решилась и села в машину. Уже в кабине она почувствовала запах перегара. Мужчина, который представился Николаем, либо был с похмелья, либо уже выпил с утра. В его сторону она старалась не смотреть. Зато он смотрел на неё, пристально разглядывая. От этого ей стало не по себе.

– Тебе куда надо-то? – задал вопрос Николай. – В Балашеевку или в Новенск?

Девушка первый раз слышала об этих населённых пунктах. Нужно было как-то выкручиваться.

– А вы куда едете?

– Я в город еду, там все приличные магазины. В Балашеевке одни только поселковые продмаги.

«Уже хорошо, – сообразила Сима. – Значит, Новенск – город, а Балашеевка – посёлок. Знать бы ещё, который из них ближе...»

– А мне в Балашеевку.

– Заезжать не буду – у поворота приторможу. Мне дальше в город машину гнать.

Серафима обрадовалась, что выйдет раньше.

Наконец грунтовая дорога закончилась, и уазик выехал на широкую, с асфальтом. Здесь движение было поживлённее. Видимо, мужчина заскучал смотреть на дорогу.

– Красивая ты, кровь с молоком! А как неживая. Парень-то есть?

– Есть, – слукавила Сима.

Вдруг Николай выбросил в её сторону руку и притянул девушку к себе. Сима схватила его руку, пытаясь отодрать её от своей талии.

– А вот и врёшь, – загоготал он. – Нет у тебя никакого парня! Непривычная, когда тебя мужик обнимает, необученная. Но я хороший учитель, быстро научить могу, если будешь прилежной ученицей...

И он бесцеремонно полез под кофту. Сима в ужасе пыталась вырваться, но мужчина был сильнее. Он выпустил на мгновение руль и затащил девушку себе на колени.

– Остановите машину, я хочу выйти! – кричала она, пытаясь вырваться из западни.

Началась борьба. Николай не ожидал такого яростного сопротивления от хрупкой девушки. Она же отталкивала его и пиналась. Машина незаметно съехала со своей полосы, уходя влево.

– Тише ты, бешеная! – пытался утихомирить её водела. – Думаешь, не совладаю с тобой?

Сима в отчаянии вцепилась в его лицо, мужик опешил и выпустил руль. Оттолкнувшись от него, Сима упала на сиденье рядом. И вдруг увидела, как им навстречу летит огромный грузовик. Вскрикнув, интуитивно закрыла голову руками... Последовал страшный удар, и всё! Больше она ничего не помнила...

* * *

– Девоньки, она очнулась! – услышала Сима чей-то радостный крик и разлепила тяжёлые веки.

Голова сильно болела, хотелось пить. Сима облизала пересохшие губы.

– Пить...

Тут же к ней подошла женщина в белом халате и протянула стакан. Серафима выпила и осмотрелась.

– Я в больнице... – догадалась она.

– Ага! Могла быть на кладбище, но тебе крепко повезло. Ты что-нибудь помнишь?

Серафима покачала головой.

– Ваш УАЗ «буханка» с КамАЗом столкнулся. Кабина всмятку, водитель погиб на месте. А с твоей стороны дверь от удара распахнулась, вот ты и вылетела. Головой знатно приложилась, а так руки-ноги целы. Просто чудо!

Девушка потрогала голову: забинтована. Да, огромную махину, несущуюся на неё, она вряд ли теперь забудет...

– Ты лежи, не вставай, – предупредила медсестра. – Сотрясение-то у тебя сильное. Хотели в Новенск перевезти, так врач вообще не велел тебя тревожить. Он скоро придёт, вот обход делает и заглянет.

Врач Василий Семёнович пришёл не один. С ним в палату зашёл молодой парень лет двадцати пяти в форме полицейского.

– Очнулась красавица! Живая! – вместо приветствия выдал доктор. – Спрашивай Валерий, только не долго.

Следователь присел на край постели и достал планшет.

– Скажите своё имя, фамилию, отчество и полную дату рождения, – попросил он.

– Серафима, – еле слышно назвалась больная.

– Отлично, дальше.

– Я не помню...

Выяснилось, что девушка не помнит ничего: ни кто она, ни откуда, ни куда и к кому направляется. Для любой другой это была бы трагедия. Но Серафима и до аварии ничего не знала о себе. Так что для неё обстоятельства сложились весьма удачно – теперь потерю памяти можно было списать на аварию.

Девушку перевезли в Новенск и показали лучшим специалистам там. Безрезультатно: память не возвращалась. Её фотографию напечатали в областной газете в надежде, что найдутся родственники, – никто не отозвался. Запросов найти пропавшего человека тоже не поступало. Её продержали в больнице две недели – пора было выписывать...

Следователь Валерий Евсеев, постучавшись, зашёл в кабинет к начальству:

– Здравствуйте, Пётр Егорович, вызывали?

Седовласый майор Рогачёв оторвался от бумаг:

– А, Валера! Заходи. Ты вот что мне скажи, что с этой девушкой? Нашлись родственники?

– С Серафимой? Никак нет. Глухо всё. В больнице её дольше оставлять не могут, готовы выписать хоть сегодня.

– И куда же она пойдёт? – задумчиво произнёс начальник отделения и потёр затылок. – Она с дочкой моей ровесница. Семнадцать лет, одна, обидит ещё кто-нибудь...

Капитан Евсеев напряжённо смотрел на начальника.

– Я тоже об этом думал, – вздохнул он. – Документы бы ей, потом можно в детский дом.

– Екатерина Васильевна ещё там?

– Да вроде заведует. Закрывать их хотели, но она отстояла, в Москву даже ездила.

– Вот и хорошо, – обрадовался майор. – Поехали за девушкой.

* * *

– Да милые вы мои! – всплеснула руками крепенькая пухленькая женщина лет шестидесяти. – Как я её без документов-то смогу принять?

– Екатерина Сергеевна, сделаем! Привезу я ей документы. Паспорт, свидетельство – всё как положено! – горячо заверил Рогачёв. – Ну не может главврач больницы её больше держать у себя! Выручай, а?

Серафима переводила грустный взгляд с хозяйки детского дома на мужчин и обратно.

– Чисто котёнка пристраивают... Блох нет, лишая тоже. В лоток ходит без промаха. Только без документов...

Полицейские и заведующая посмотрели на неё и прыснули.

– Хорош котёночек, – смеялась Екатерина Сергеевна. – Выше меня ростом. Ладно, оставляйте уж.

Мужчины переглянулись.

– Как тебя звать-то? – поинтересовалась женщина.

– Серафима. Серафима Новенская, – ответил за девушку Евсеев. – Она свидетелем по делу проходит.

– Как? – не расслышала Екатерина Сергеевна. – Новицкая?

– Новенская, – поправил капитан. – Она в Новенск ехала.

Но у майора уже заблестели глаза.

– Серафима Новицкая, хорошо звучит! Ещё бы отчество придумать...

Екатерина Сергеевна вздохнула.

– Мужа моего покойного Георгием звали. Может, Георгиевной? Будет мне как дочка... У нас только сыновья. А он всегда дочку хотел.

– А днём рождения запишите двадцать пятое сентября, – подсказал Валера. – Девчонка чудом в аварии выжила. Можно сказать, второе рождение...

– Серафима Георгиевна Новицкая! – торжественно произнёс майор. – Лично мне очень нравится! С такими чудесными именем и фамилией и судьба должна быть соответствующая!

* * *

В обычном детском доме не учат хозяйству. Уроки домоводства не в счёт. Но Серафима попала в детский дом в маленьком городишке, и он отличался от детских домов в крупных городах. Частые проверки вышестоящих инстанций постоянно выявляли нарушения: нет спортзала, нет компьютеров, не хватает классных комнат – в одном помещении занимаются третий и шестой классы. Сам детский дом тоже был маленький – двадцать детей и три педагога.

Сперва их хотели закрыть, но поездка в Москву возымела действие, и на них просто махнули рукой. Потому как и финансирования нет, и работать никто не идёт. Детскому дому присвоили статус экспериментальной площадки, прикрепили к какому-то московскому ведомству. Местные проверки закончились, и страсти улеглись.

Заведующей с самого основания была Екатерина Сергеевна Ковалёва, шестидесяти лет, на пенсии. Свои дети давно выросли и разъехались – вот и воспитывала чужих. Всё лучше, чем одной куковать. А так веселее.

Повара не было, готовили всё сами. Это тоже было «нарушением». Но благодаря этому «нарушению» все девчонки от мала до велика прекрасно умели готовить. Вкуснее, конечно, получалось у старших. Но на то они и старшие.

С седьмого класса детдомовцев прикрепляли к ближайшей школе: там и программы, и учителя были посильнее. Учились все хорошо или отлично. Тройки за год были редкостью. Екатерина Сергеевна не отчитывала за плохие оценки, но внушала, что, оставшись без родителей, они должны царапаться в этой жизни. И они царапались. Сима пошла в одиннадцатый класс. Из старших Рита была в десятом, Рома и Антон – в восьмом, ещё пятеро – в седьмом.

Новицкая не знала о своём прошлом ничего: училась ли она когда-нибудь? Но, как выяснилось, к удивлению учителей и её самой, знания у неё были выше среднего. Особенно легко ей давалась алгебра, химия и биология. Впрочем, и остальные предметы у «детдомовской» шли хорошо. Отношения с девчонками в классе у неё сразу не задались. Когда одиннадцатому «А» классу объявили, что с ними будет учиться «особая» девочка, все приготовились встретить такую серую мышку, забитую и зашуганную. Каково же было их удивление, когда директор привела в класс высокую, стройную кареглазую красавицу с королевской осанкой. «Первые леди» класса сразу сникли, а парни с того дня переключились на новенькую: стали бросать в её сторону заинтересованные взгляды и тайком прихорашиваться.

Хуже дело обстояло у Риты. Часто после школы Серафима замечала у девочки красные, припухшие от слёз глаза. На все расспросы она молчала, как партизанка. Но один раз не выдержала и расплакалась при Симе. Оказалось, одноклассники постоянно зажимают её возле туалета и лапают. Учителю признаться ей было стыдно, поэтому Рита молчала, плакала и терпела.

Новицкая взяла упирающуюся подругу за руку и пошла напрямик в отделение полиции. На следующее утро к школе подъехали два милицейских уазика, мужчины в форме сгребли пацанов из десятого класса и увезли в отделение.

Когда их вернули к последнему уроку, на бывших нагловатых «мачо» было жалко смотреть: они были ниже травы, тише воды. На Риту с того дня они даже боялись глянуть, Симу обходили стороной. Позже просочились слухи, что по приказу начальника отделения майора Рогачёва молодым людям устроили экскурсию в следственный изолятор, где на несколько часов их заперли в пустующей камере, а двоих зачинщиков и вовсе посадили в камеру к заключённым под стражу. Правда, за ними следили, но страху парни натерпелись сполна!

Когда пришло время покидать детский дом, Екатерина Сергеевна вызвала Серафиму к себе.

– Надо тебе, деточка, о профессии подумать. Нужно такую выбрать, чтобы ты всегда востребована была. Помощи ждать тебе, Симочка, неоткуда.

– Понимаю, – согласилась Новицкая.

– Я тут подумала: может, тебе ветеринаром стать? – предложила заведующая. – В городе осядешь – домашних питомцев будешь лечить. В село поедешь – и там без работы не останешься. Я посмотрела, два вуза есть недалеко от нас. С твоими мозгами легко поступишь. Что думаешь?

Серафима день подумала и решила, что быть доктором для братьев меньших – не такая уж плохая идея...

* * *

При виде хозяйки Ольги пёс поднял морду и гавкнул: хвостом при перебитой спине он вилять не мог, вот и поздоровался как сумел. Видно было, что он рад этой не в меру надушенной крашеной блондинке, одетой в дорогой серый брючный костюм.

– Малыш, как ты?! – проворковала та, наклонившись над клеткой.

– Плохо, – жёстко прервал идиллию вошедший с ней главврач клиники. – Очень плохо! У собаки сломаны тазовые кости, сломан позвоночник и частично повреждён спинной мозг. Собака чудом осталась жива.

Глаза у блондинки расширились. Видимо, она не ожидала, что врач выпалит ей страшный диагноз прямо в лицо, без щадящей психологической подготовки, какая встречается в фильмах.

– Как повреждён спинной мозг?!

– Частично надорван. С костями разобраться можно, такие операции наша клиника делает. А вот с мозгом сложнее: он или восстановится, или нет... Нужно быть готовой ко всему. И даже к тому, что собака навсегда останется инвалидом.

– То есть собаке требуется операция?

– Это только начало – операция! Главное – это восстановление. После предстоит долгая реабилитация собаки.

Серафима, продолжая поглаживать Волчка, напряжённо переводила взгляд то на хозяйку, то на Аркадия Ильича. Блондинка отошла от клетки, закусила губу, отчего немного размазалась помада, и задумалась.

– А сама по себе травма не может пройти? Ведь говорят же: заживает всё как на собаке.

То, что она сморозила откровеннейшую чушь, хозяйка собаки поняла по тому, как со вздохом переглянулись врачи, а потом Аркадий Ильич обратился к горе-владелице:

– Несравненная Ольга Александровна! Сама по себе подобная травма пройти, конечно, может, но только с одним исходом – летальным...

Уязвлённая его ответом, женщина заговорила пылко, с обидой:

– У меня своих проблем хватает, а тут ещё собака! Не я её заводила, а бывший муж. И между прочим, на содержание собаки он мне денег не оставил! И на лечение тем более. Да, случилось несчастье, да, жалко собачку, но я-то здесь при чём?! У меня нет ни возможности, ни желания, ни времени заниматься больным животным. Может, это прозвучит жестоко, но не лучше ли избавить беднягу от мучений...

– А вас – от лишних хлопот! – внезапно встряла Серафима, поняв, к чему она клонит.

– А вас, девушка, никто не спрашивает! – взвилась хозяйка.

– Не кричите на Серафиму Георгиевну! – заступился главврач. – Как я понял, вы, Ольга Александровна, не собираетесь лечить собаку. Тогда, может, стоит написать отказ от животного?

– А что, это возможно? – сразу оживилась Ольга.

– Да, такое практикуют те, кто не может себе позволить лечение питомца. Животное остаётся в клинике, а хозяин навсегда утрачивает право на него.

– Отлично, меня это вполне устраивает. Я даже могу дать денег на эвтаназию.

– Тогда прощайтесь с собакой и пройдёмте в мой кабинет, нужно уладить формальности. Надеюсь, паспорт у вас с собой?

Серафима поднялась и молча уступила место возле Волчка. Хозяйка подошла к клетке, окинула лежащего пса взглядом и пошла прочь. Пёс, потянувшийся сначала мордой к ней, словно что-то понял, положил голову на лапы и с безучастным взглядом остался лежать в своём новом доме.

* * *

Проснулась Серафима оттого, что кто-то тряс её за плечо. Она открыла глаза и увидела, что уснула на одеяле возле клетки. Её рука так и лежала на загравке Волчка, пёс тоже спал.

«Да, день выдался трудный – измотал обоих...» – подумала Сима, поднимаясь на ноги.

– Ты вот что, – предложил шеф, – ложись в моём кабинете, там кушетка удобная. А я – домой! Надо же мне хоть иногда дома появляться. Утром встанешь, собаку свою к операции подготовишь, а там и я подъеду.

– Мою собаку?!

– Твою, твою, чью же ещё? Официальный отказ у меня на руках, так что владей!

– Аркадий Ильич! Спасибо... – начала было Сима, но дальше слова кончились, и девушка повисла на его шее.

– Тише ты, шальная... Как готовить собаку к операции, помнишь?

Новицкая сразу разжала объятия и быстро закивала головой.

– Выпись. Ассистировать мне будешь.

Он шёл к выходу, улыбаясь, размышляя о том, что мир, пожалуй, ещё постоит, пока есть такие отчаянные девчонки, способные бороться за тех, кто им дорог.

* * *

Судьба решила, что собака и так натерпелась и что с неё хватит, – операция прошла удачно. Аркадий Ильич радостно потирал руки, шутил, почти не курил – явный признак того, что он доволен своей работой. А вот у Серафимы случился «отходняк»: после всех переживаний и безумного нервного напряжения во время операции она сидела на стуле, не в силах подняться. Навалилась апатия, ей вдруг показалось, что всё было зря и что она не справится. Глаза девушки наполнились слезами, и предательская струйка покатила к подбородку...

– О! Серафима Георгиевна победу празднует! – поддел её шеф по дороге из курилки.

– Ка-какую победу? – шмыгнула носом девушка.

– Первую. Окончательная ещё впереди. Поезжай-ка ты, красавица, домой. Отдохнёшь, сил наберёшься. Ну а завтра чтобы как штык была: перевязкой собаки сама займёшься.

– Аркадий Ильич! Сколько я за операцию должна?

Заведующий клиникой посмотрел на неё, уставшую, с больными, грустными карими глазами, и усмехнулся:

– Ничего ты не должна, считай, я на твоей собаке попрактиковался, чтоб квалификацию на потерять, а то, знаете ли, всё с бумажками да с бумажками.

Сима знала: шеф лукавил – все рядовые операции выполнялись другими хирургами, он же брался за самые сложные и блестяще с ними справлялся. Стоили такие операции прилично, но люди готовы были платить клинике ещё больше, только чтобы их питомца оперировал Ярыгин. Им с Волчком несказанно повезло!

«Домой так домой! Всё равно я сегодня уже ни на что не способна», – пронеслось в её голове. Она заглянула в стационар, посмотрела, как там собака, и пошла одеваться.

На выходе внимание привлёк громкий спор на ресепшене. Вика что-то пыталась объяснить молодому высокому мужчине. Серафима прислушалась.

– Молодой человек, я ещё раз вам повторяю, вчера в клинику поступило пять собак: померанский шпиц с несварением, немецкий дог с купировкой ушей, сеттер с онкологией, такса с плановыми прививками и лайка с травмой. Но лайку привезла наш врач Серафима Георгиевна, других собак не поступало.

– Нет, там девушка молоденькая совсем, а собака серая, вроде лайка.

– Вот я и говорю, это наш врач привезла.

– Да при чём тут ваш врач?!

Тут Виктория увидела Новицкую и обрадовалась.

– Да вот же она! Серафима Георгиевна! Тут мужчина собакой интересуется, поговорите, пожалуйста.

Сима узнала Тараса сразу, как только он обернулся. Сегодня он был в джинсах и чёрной кожаной куртке. Узнала и удивилась: «Зачем он здесь?» Остапенко тоже с удивлением разглядывал вчерашнюю «нарушительницу».

– У тебя реально такое имя – Серафима?

– А тебя что-то смущает?

– Ну, я думал, врачу с именем Серафима Георгиевна лет так шестьдесят, – усмехнулся он. – Родители приколоться решили или в честь кого-то назвали?

– Я не знаю, я их ни разу не видела, – ничуть не смущаясь и глядя прямо Тарасу в глаза, ответила девушка.

Ему стало неловко.

– Извини, не знал... – Он замолчал ненадолго, потом продолжил: – Значит, ты ветеринар... Понятно теперь, почему ты за собакой кинулась. Кстати, как она?

– Сломан позвоночник, задет мозг. Сегодня прооперировали.

Тарас тяжело вздохнул.

– Ты-то как в клинике оказался?

– Так Антон сказал, что сюда вас отвёз.

– А!.. Весьма благородно с твоей стороны проведать несчастную псину, – не без сарказма произнесла Серафима.

Остапенко с интересом изучал девушку: там, на гонках, он был занят и сосредоточен на другом. Ровный овал лица, тонкий, аристократический, чуть вздёрнутый носик, красиво очерченные полные губы. Тёмно-каштановые волосы немного вились и спускались ниже плеч. Огромные карие глаза с густыми пушистыми ресницами создавали впечатление бархатных, а густые естественные брови, которых раньше не было видно из-за шапки, подчёркивали жаркий, проникновенный взгляд. Странно, что он не обратил внимания на неё вчера. Хотя... когда догоняешь, некогда смотреть. И когда несёшь на плече – тоже.

– Ты из меня монстра-то не делай. И так на душе погано. Лучше скажи, чем помочь.

Девушка посмотрела в глаза Тараса с недоверием: «Неужто и впрямь помочь хочет? Что-то не верится, ведь бросил же он собаку на трассе – сбил и уехал».

Тарас словно прочитал её мысли.

– Ладно, понял: нет мне прощения.

Серафима молчала, опустив глаза в пол.

– Ты, я вижу, домой собралась. Так я на колёсах, могу подбросить.

На мгновение она представила, как будет долго ждать трамвая, потом ехать семь остановок, а затем ещё минут десять идти до общаги пешком, и согласилась:

– Ну, если не трудно... Я просто с ног валюсь от усталости, правда.

Они вышли вдвоём, щурясь на яркое солнце – весна уже совсем близко. Серо-стальная «мазда» быстро домчала их до общаги ветеринарной академии, и они расстались, как думала Серафима, уже навсегда.

* * *

Шеф был абсолютно прав: после операции и начинается самое тяжёлое... Перевязки, капельницы, массаж лап. Серафима практически поселилась в клинике. Днём плановый приём, ночью оставалась на дежурство: только так она могла заработать на оплату дневного стационара для Волчка. Конечно, ей, как сотруднице, сделали скидку, но содержание собаки всё равно било по карману. В общаге появлялась редко. Машка понимала, но всё равно скучала без подружки и душевных разговоров перед сном.

Её научный руководитель ворчал: кандидатская диссертация аспирантки Новицкой продвигалась очень медленно. Хотя все на последнем курсе знали, что девушка пошла в аспирантуру не из-за любви к науке – ей попросту негде было жить, аспирантам же давали общежитие. Теперь заложница обстоятельств потихоньку скребла «научный труд» в редкие свободные минутки или по ночам, мечтая выспаться.

Шов у собаки затягивался, но особых улучшений не было: задние лапы, хвост так и оставались неподвижными. Умный пёс как-то понял, что Серафима теперь его хозяйка, и был несказанно рад этому – он ожил, в прежде тусклых глазах появился живой блеск. Когда она гладила его, Волчок благодарно лизал ей руки или утыкался мокрым носом в её ладонь.

– Ты не brutальная охотничья собака, ты – кошка! – смеялась она.

Пёс не возражал: минуты рядом с ней казались ему блаженством. Заезжал Антон, сказал, что просто ехал мимо, при этом отводил взгляд, стараясь не встречаться с девушкой глазами... Встреча получилась очень короткой. Новицкая вела приём и вышла в коридор за результатами анализов очередного пациента. Извинившись, что не может больше говорить, она скрылась в кабинете.

Через неделю сделали повторный рентген. Вооружившись снимками, Серафима деликатно поскреблась в кабинет к заведующему.

– Аркадий Ильич! Вы сильно заняты?

– Занят, но не сильно.

– Тогда я позже загляну, – пробормотала Сима, затворяя дверь.

– Да входи уже!

Тщательно изучив снимки, Ярыгин нахмурился и замолчал. Серафима с тревогой смотрела ему в лицо, на смее задать вопрос.

Завклиникой заговорил сам:

– Кости мы собрали прекрасно, и они начали срастаться. Но вот мозг! Он не хочет восстанавливаться, а без него – сама знаешь...

Новицкая знала: без восстановления мозга собака обречена остаться наполовину овощем.

– Что же делать? – тихо спросила она.

– Ждать. Продолжать реабилитацию по полной программе. Ждать и верить. – Потом подмигнул Серафиме и тепло улыбнулся: – И не вешать нос!

Поблагодарив шефа, Серафима вышла из кабинета. В клинике она оставаться не могла. Отпросившись, сославшись на головную боль, она оделась и отправилась бродить в парк неподалёку, благо к вечеру мамашки с горластыми детьми расходились по домам и в парк заглядывали только парочки влюблённых. Переполюнявшие её чувства требовали выхода, и здесь, на дальней скамейке, спрятанной в глубине парка, она могла плакать сколько душе угодно... Со слезами вымывались усталость, отчаянье и тоска, становилось легче.

«Ну и чего ты разнюнилась? – спросила Новицкая сама себя. – Всё ведь хорошо, даже отлично! Волчок идёт на поправку, работа есть, крыша над головой тоже. Друзья помогают чем могут, на работе ценят. Вот точно – дурёха!»

Ей вдруг вспомнился незабываемый её первый день в ветеринарной клинике.

* * *

То, что на стипендию она не выживет, девушка поняла сразу. Как только Новицкая получила студенческий билет, на следующий день, не откладывая, после трёх пар села на трамвай и поехала на собеседование в одну престижную клинику города. В чём престижность, она так и не поняла из рекламы, но ветлечебница позиционировала себя именно так.

Тщательно обдумывая, как она будет держаться и что говорить на собеседовании, Серафима любовалась из окна стройными ярко-красными рядами клёнов вдоль трамвайных путей. Всё-таки осень – удивительное время! Настроение было отличное, времени хватало. Проходящего мимо кондуктора она спросила, через сколько остановок будет «Площадь Победы». Оказалось, она села не на тот трамвай и, конечно, он её увёз чёрт-те куда. Выскочив в уже закрывающиеся двери, Серафима растерянно окинула взглядом незнакомую улицу и стала ждать транспорт в обратную сторону. Видимо, трамвай и автобус ушли недавно: на остановке, кроме неё, никого не было.

«Значит, придут не скоро, – досадовала она. – Да здравствует закон подлости!»

Время шло, девушка понимала, что может опоздать, и нервничала. Чтобы отвлечься, она принялась рассматривать окрестные дома, афиши, скверик неподалёку, фонтан. Внимание Серафимы привлёк шум возле фонтана. Слышались детские голоса и смех, и тут же – жалобные крики и чей-то плач. Оценив расстояние от остановки до фонтана (если что, добежать

успею), девушка подошла поближе. Фонтан был до краёв заполнен водой, в нём нарядным разноцветным ковром плавали листья.

Но внимание приковывало не это. На самом краю бортика фонтана на коленках стояла маленькая девочка лет шести. Наклонившись к самой воде, она тянула руку к крохотному существу в фонтане, призывая его плыть к ней. Присмотревшись, Серафима увидела маленького серого котёнка, который изо всех сил грёб лапами к спасительному бортику и протянутой руке.

«Давай, давай, ещё немножко осталось...» – ободряла котёнка девочка, хотя расстояние было весьма приличным. Может, котёнок бы и доплыл, но ему не дали: двое мальчишек лет одиннадцати кидали камни в воду, стараясь попасть в беднягу или рядом с ним. Девочка плакала и кричала: «Нет! Не надо, он же утонет! Помогите!» Видимо, некоторые камни долетали и, падая, вызывали всплеск: котёнок был мокрый, ужас стоял в его глазах. Скорее всего, он уже на раз уходил под воду от этих волн, но всплывал и боролся дальше.

– Я сейчас кому-то уши оборву! – закричала Серафима. – Маленькие садисты!

– Ничего ты нам не сделаешь! – последовал ответ, сдобренный смехом и отборным матом.

Тот, что повыше, ухмыльнулся, с вызовом прицелился и бросил камень. На этот раз малышу не повезло: камень угодил в спину, и котёнок резко ушёл под воду и больше не появился на поверхности. Выждав секунд десять, Серафима бросилась в фонтан.

Брюки намокли, вода доходила почти до ягодичек и была холодной. Куртку она сбросила на бегу, закатывать рукава водолазки не стала: на счету была каждая секунда. Нашупав маленькое тельце на дне, девушка вытащила его и побледнела: котёнок не дышал... Стараясь не сломать рёбра, Серафима несколько раз сдавила грудную клетку и живот котёнка. «Ну же, давай, дыши!» Часть воды вышла, но малыш не подавал признаков жизни. «Реанимация... Иначе не спасти!»

Двое пацанов не ожидали от тётки такой прыти и несколько обалдели. Они, развалившись, сидели на бортике и смотрели, как Серафима ищет котёнка, а потом, сжимая его в руках, торопясь, выбегает из фонтана. Поравнявшись с малолетними негодьями, девушка неожиданно сдёрнула за ноги в воду сначала одного, следом второго. Всё произошло молниеносно: оба рухнули плашмя в мутный бассейн фонтана, с головой погрузились в воду и тут же как ошпаренные вскочили на ноги. Ошалело-испуганно смотрели они на незнакомку.

– Вы чего?! – заорал тот, что помельче, старшенький же попытался откашляться, наверное хлебнул при падении.

– Как водичка? Бодрит? Прodelом вам, свинёныши!

Вот и девчушка. Благодарно сияют глаза. Ещё всхлипывая, что-то лепечет, очевидно спасибо. Она пока не поняла, что чуда может и не случиться.

– Это твой котёнок?

– Да, только это кошечка, – тихо уточнила маленькая хозяйка.

– Тебя как звать?

– Юля.

– Подержи-ка, Юля.

Передав плачущей девочке котёнка, Серафима быстро натянула куртку, затем, забрав малыша, прижала его к груди.

– Нужен врач срочно, понимаешь?

Девочка энергично махала в сторону соседнего дома.

– За тем домом есть больница для животных. Мы с мамой туда собаку водили и...

Не дослушав историю Юлькиной собаки, Новицкая уже бежала по улице так, что от неё шарахались прохожие. «Только, пожалуйста, не умирай!»

* * *

Влетев в клинику, Серафима выдохнула:

– Реанимацию! Срочно!

Девушка на ресепшене без лишних вопросов подхватила ещё тёплый серый комочек и исчезла за стеклянной дверью. Только теперь Новицкая упала на стул и попыталась отдышаться. Это потому она оценила: никто из персонала не лез с расспросами, с неё не требовали документов для оформления договора, её просто оставили в покое. Сердце ещё долго билось о рёбра, а дыхание сбивалось, потом успокоилось.

Спустя десять минут в холл вышел врач, молодой мужчина лет тридцати:

– С маленькой серой кошечкой кто пришёл?

Серафима поднялась, хотела сказать «я», но слова застряли в горле.

– Жива ваша мелкая, под капельницей лежит, отдыхает. Натерпелась малышка – с того света вытащили.

– Спасибо! – наконец прорезались слова у девушки.

После недавнего напряжения внутри всё расслабилось, хотелось прыгать от счастья, радость хлынула горячим потоком, сияющая улыбка заиграла на губах, сделав лицо похожим на лицо ребёнка.

В это время дверь клиники распахнулась, сразу стало шумно, на пороге возникла компания из четырёх человек. Грузный лысеющий мужчина тащил за руку паренька, за другую – маленькую девочку. Девочка упиралась и вырывалась, мальчик вёл себя покорно. За мужчиной, не вмешиваясь, чуть отстав, семенила дородная женщина, судя по всему супруга.

– Ну и где эта «тётя»? – рявкнул он на девчонку.

Серафима узнала Юльку и одного из пацанов, что издевались над котёнком. Конфликт разгорался, запахло скандалом.

Девушка подошла к Юле и, глядя в глаза «папаше», с угрозой процедила сквозь зубы:

– А ну, отпустил ребёнка!

От неожиданности он выпустил руку малышки, та бросилась к Серафиме и вцепилась в неё.

– Это ты толкнула моего сына в воду? – начал наседать возмущённый «родитель».

Где-то хлопнула дверь, и в холле появился мужчина лет сорока, в очках, с бейджем на белом халате.

– Заведующий клиникой, – представился он. – Что здесь за шум?

Гнев папаша, настроенного на откровенную ругань, видимо, несколько поостыл от этого спокойного и одновременно властного тона – он молча уставился на завклинику.

Не дождавшись ответа, заведующий обвёл всех присутствующих взглядом и продолжил:

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Врач, разговаривавший с Серафимой, видимо дежурный, подошёл к нему и, наклонившись к уху, шёпотом сказал несколько фраз. То, что он говорил о них, Новицкая поняла по кивку головой в её сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.